

Память 20 апреля (ст.стиль 07 апреля)

**Память преподобного отца нашего Георгия
Исповедника, митрополита Митиленского**



С юных лет возлюбивши Христа, преподобный отец наш Георгий сделался монахом, вел подвижническую добродетельную жизнь и, как никто другой, усовершенствовался в смиренномудрии. В царствование Льва Исаврянина¹ он соделался исповедником за Христа, претерпевши от иконоборцев гонение и притеснение. Затем в царствование православных Константина и Ирины² он был возведен на архиерейскую кафедру в городе Митилене³, митрополии острова Лесбоса⁴. Святой Георгий был весьма милостив, щедрыми подаяниями питая алчущих. За свое великое воздержание он соделался другом ангелов и, отгоняя нечистых духов и врачую неизлечимыя недуги, явил себя чудотворцем. Доживши до времени царствования императора Льва Армянина, возобновившего иконоборчество⁵, он снова, будучи уже глубоким старцем, претерпел гонение за святые иконы. Еще раньше правления императора Льва Армянина, возобновление иконоборства и изгнание святого Георгия, в Митилене были некоторыя знамение, предуказывавшие на скорое появление в Церкви Христовой смут и бедствий. Однажды в храме святой великомученицы Феодоры, что близ пристани, за вечерней во время всенародного пения "Кирие, елеисон" - Господи помилуй - стоявший на престоле святой крест внезапно и с сильным шумом какой-то невидимою силою был взят с своего места и вознесен кверху под потолок, а затем, склонивши свой верхний конец к низу,

упал на землю. Народ, видевший это, был охвачен великим страхом и ужасом; поднявши вверх свои глаза и руки, все громогласно, в течение продолжительного времени, зывали: "Кирие, елеисон" и не желали выходить из церкви, так как ожидали, что остров Лесбос посетит какая-нибудь внезапная гибель. В то время в церкви находился преподобный Симеон вместе с своим младшим братом Георгием, который впоследствии в свое время наследовал престол первого Георгия⁶. Симеон, будучи прозорливцем, со слезами говорил народу:

- Братия, будет не так, как ожидаете вы. Бог не погубит окончательно этой страны, но на днях вступит на престол богоненавистный и богопротивный царь, который, ниспровергши на землю святые иконы, отнимет от церкви красоту ее.

По прошествии нескольких дней, в церковь и в алтарь вошел - дверь церкви случайно не была заперта - огромный и страшный вепрь, у которого уши и хвост были обрезаны и лег здесь на горнем месте. Заметивши это, церковные сторожа немедленно стали прогонять вепря, но безуспешно, так как он был свиреп и кидался на всех, пытавшихся выгнать его из алтаря, обращая их тем в бегство. После сего, принесши огромный кол, стали до крови бить животное в продолжении долгого времени и, обессилевши, с трудом смогли прогнать его. Узнав об этом, тот же блаженный Симеон сказал:

- Чада, поверьте, что этот вебрь знаменует имеющего, - по попущению Божию, - быть здесь епископа, который по жизни и нраву будет подобен свинье.

Всё это скоро и сбылось. Вышеупомянутой император Лев Армянин, вступивши на царский престол, предпринял гонение против церкви Божией и в то же время созвал в Константинополь многих епископов, склоняя их к принятию иконоборческой ереси. Преподобный отец наш Георгий, митрополит Митиленский, будучи также призван с прочими епископами, явил себя неустрашимым воином Христовым. В то время как многие одобряли цареву неправовую, он своей истинною премудростью посрамил царя, лжепатриарха Феодота, по прозванию Касситера⁷, и прочих единомысленных с ними еретиков, и некоторых из них довел до сознания их собственного заблуждения.

Царь и патриарх, не перенося его обличений, отправили его в изгнание в Херсонь⁸, а на его место поставили в Митилеу митрополитом некоего еретика, который подобно луговому вепрю (кабану) опустошил и осквернил виноградник Христов: он попирает святые иконы, бессмысленно смущая словесных овец. Святой же Георгий, проживши в изгнании остальные дни своей жизни, по благодати Христовой совершил многие чудеса. При наступлении времени его преставления воссияла на небе пресветлая звезда, - провозвестница блаженной его кончины, - которая была видима и на Лесбосе. По этой звезде в Митилеу было познано словесными овцами отшествие ко Господу их пастыря, святого Георгия.

Жизнь святого при его добрых делах являлась светом для мира. Блаженную же кончину его Бог прославил светлою звездой и после его кончины для прославления Своего угодника источил от его мощей чудесные целебные источники.

1 Лев Исаврянин царствовал с 717 по 741 г. Он происходил из класса зажиточных крестьян и настолько выделился своей военной службой при Юстиниане II, что в 717 г. при всеобщем одобрении был возведен на императорский престол. Обратив внимание на церковные дела и, между прочим, на суевие в иконопочитании он решился уничтожить последнее полицейскими мерами. Сначала он (726 г.) издал эдикт только против поклонения иконам, для чего приказал поставить их в церквях повыше, чтобы народ не лобызал их. В 730 г. был издан эдикт, повелевавший вынести иконы из храмов. Лев Исаврянин достиг того, что иконы временно были выведены из церковного употребления.

2 Император Константин V Копроним (741-775) преследовал иконопочитание с еще большею, чем его отец Лев Исаврянин, жестокостью. Он хотел торжественно уничтожить иконопочитание, как ересь и для того в 754 г. составил в Константинополе собор, который назван вселенским. На нем было 338 епископов, но ни одного патриарха. Здесь положено было, что иконопочитание идолопоклонство, что единственный образ Христа Спасителя - Евхаристия. Собор предал анафеме всех защитников иконопочитания и иконопочитателей, особенно св. Иоанна Дамаскина. Св. Ирина с 780 по 790 и 797 по 802 управляла за малолетством своего сына Константина Порфирородного. Она объявила себя за иконопочитание. В 787 г. Ириной в Никее был созван второй Никейский и седьмой вселенский собор, под председательством патриарха Константинопольского Тарасия. На соборе состоявшем из 367 отцов, было восстановлено иконопочитание.

3 Митилена, город на острове Лесбосе - (величайший в Эгейском море), близ древней Трои и Мизии (Малой Азии), имеет до 36000 жителей; остров горист, плодороден, богат лесом, хлебом, вином. К Турции присоединен в 1462 году, при Магомете.

4 В древности особенно процветали города этого острова Крезос, Пирра, Митилена.

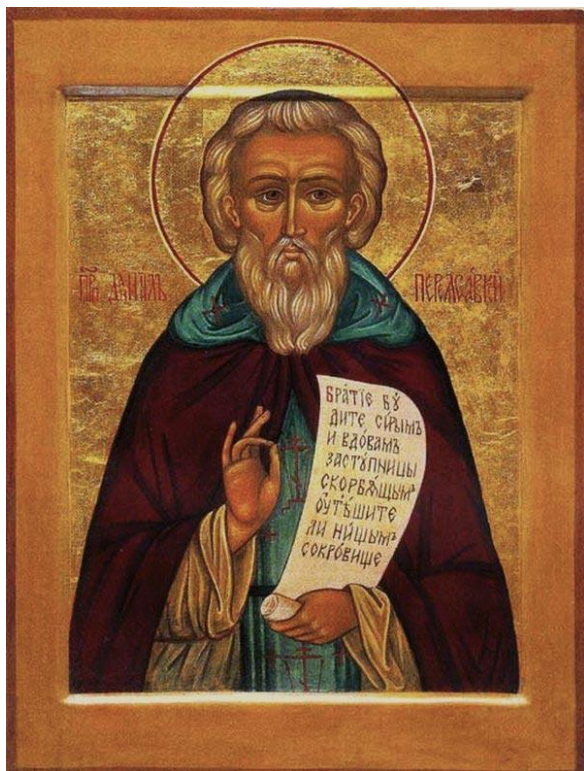
5 Лев Армянин царствовал с 813-820 г.

6 В г. Митилеу, на острове Лесбосе, митрополитами были два Георгия. Первый из них, о котором написано настоящее житие, претерпел изгнание в царствование Льва Армянина в 816 г., второй же Георгий брат Симеона прозорливца. Он был рукоположен в пресвитера первым Георгием, в царствование Константина и Ирины (в 762 г.), на престол же вступил в царствование императора Михаила Косноязычного (820-829 г.), который по воцарении даровал свободу православным. Сей второй Георгий был изгнан за православие иконоборческим императором Феофилом (829-848 г.); по смерти же Феофила блаженная царица Феодора (842-865 г.) со святейшим патриархом Константинопольским Мефодием утвердила православие и в 842 г. возвратила второго Георгия из изгнания; после богоугодной жизни он скончался мирно на своем престоле.

7 Феодот I Касситер управлял патриархией с 815-821 г.

8 Херсон или Корсунь - греч. колония важнейший из городов Херсонеса Таврического, близ нынешнего Севастополя - место крещения великого князя Владимира.

Преподобный Даниил Переяславский (+ 1540)



Дни памяти

20 апреля

5 июня - Собор Ростово-Ярославских святых

Родители преподобного Даниила, в миру Димитрия, были жителями Мценска, нынешнего уездного города Орловской губернии: звали их Константин и Фекла. Но рождение будущего подвижника произошло в городе Переяславле-Залесском, теперешней Владимирской губернии, в правление великого князя Василия Темного около 1460 года. Константин и Фекла приехали в Переяславль вместе с боярином Григорием Протасьевым, который был вызван великим князем на службу из Мценска в Москву. Кроме Димитрия, в семействе у них были сыновья Герасим и Флор

и дочь Ксения.

Димитрий от природы был тихим, кротким и самоуглубленным ребенком, а потому мало играл со сверстниками и держался в стороне от них. Когда его отдали учиться грамоте, он показал редкое прилежание. Его больше всего занимали чтение духовных книг и хождение в храм Божий. Усердно посещая церковь, Димитрий всей душой отдавался красоте богослужбных песнопений; с отроческих лет неотразимо влек его к себе образ христианского совершенства. Он вычитал в духовно-нравственных книгах, что люди совершенной жизни – отшельники – мало заботятся о своем теле и потому не моются в бане. Чуткому ребенку этого было довольно, чтобы оставить исконный русский обычай, и никто не мог уговорить его заняться омовением своего тела в бане. Один вельможа в присутствии Димитрия читал житие Симеона Столпника, где говорится, что святой отрезал от колодезного ведра волосяную веревку и окрутился ею, а поверх надел власяную ризу, чтобы томить свою грешную плоть. Житийный рассказ глубоко потряс душу отзывчивого отрока, и будущий подвижник решил по мере сил своих подражать страданиям и терпению святого Симеона. Увидав возле берега реки Трубежа на привязи большую лодку с товаром тверских купцов, Димитрий отрезал от нее волосяную веревку и незаметно для других обвил себя ею. Вережка мало-помалу начала вьедаться в тело его и производить боль; Димитрий стал хиреть, мало ел и пил, плохо спал, лицо его стало унылым и бледным, с трудом он доходил до учителя и через силу занимался грамотой. Но по мере того, как ослабевало тело подвижника, окрылялся его дух – он все сильнее прилеплялся своей мыслью к Богу и еще пламеннее предавался тайной молитве. Однажды его сестра, девица Ксения, проходя мимо спящего Димитрия, почувствовала зловоние и слегка прикоснулась к брату. Послышался болезненный стон... Ксения с глубокой скорбью посмотрела на Димитрия, увидала его страдания и быстро побежала к матери, чтобы сообщить ей о недуге брата. Мать немедленно подоспела к сыну, открыла его одежду и увидала, что веревка впилась в тело; тело начало гнить и издавать смрад, а в ранах заметно копошились черви. При виде страданий сына Фекла горько зарыдала и немедля призвала мужа, чтобы и он был

свидетелем происшествия. Изумленные родители стали спрашивать Дмитрия: зачем он подвергает себя столь тяжким страданиям? Отрок, желая скрыть свой подвиг, ответил: «От неразумия своего я сделал это, простите меня!»

Отец и мать со слезами на глазах и укорами на устах стали отдирать веревку от тела сына, но Дмитрий смиренно молил их не делать этого и говорил: «Оставьте меня, дорогие родители, дайте мне пострадать за грехи мои». «Но какие же у тебя, столь юного, грехи?» – спросили отец с матерью и продолжали свое дело. В несколько дней, со всякими скорбями и болезнями, при обильном излиянии крови, веревка была отделена от тела, и Дмитрий начал понемногу оправляться от ран.

Когда мальчик выучился грамоте, его отдали – для пополнения образования и усвоения добрых обычаев – к родственнику Константина и Феклы Ионе, игумену Никитского монастыря близ Переяславля. Этот Иона, так же, как и родители Дмитрия, переселился из Мценска вместе с вышеназванным боярином Григорием Протасьевым. Он был известен за человека очень добродетельного и богобоязненного, так что сам великий князь Иоанн III почасту призывал игумена к себе и беседовал с ним о пользе душевной. Пример Ионы, понятно, действовал очень сильно на впечатлительную душу Дмитрия и все больше и больше побуждал его вступить на путь монашеской жизни. Он с жадностью прислушивался к рассказам о тогдашних подвижниках благочестия и сильнее всего поражался равноангельским житием и великими трудами преподобного Пафнутия, игумена Боровского монастыря. Слава Пафнутия неотразимо влекла к себе отрока: он всегда думал о том, как бы совсем удалиться из мира, поступить под начало к Боровскому игумену, идти по его стопам и от него принять пострижение в иноческий образ. Но стремлениям Дмитрия не суждено было исполниться при жизни Пафнутия.

По смерти Боровского игумена 1 мая 1477 г. в свои думы Дмитрий посвятил и брата Герасима: они оставили дом, родных и тайно удалились из Переяславля-Залесского в Боровск, в обитель славного подвижника. Здесь оба брата были пострижены в монашество: Дмитрий получил имя Даниила и был отдан под начало старцу Левкию, известному своей богоугодной жизнью. Под руководством Левкия Даниил пробыл десять лет и научился строгостям монашеской жизни: соблюдению иноческих правил, смирennemудрию и полному послушанию, так что не начинал без соизволения старца никакого дела. Но старец пожелал уединенной и безмолвной жизни: вышел из Пафнутьева монастыря и основал пустынь, получившую имя Левкиевой. По удалении своего старца Даниил пробыл в Пафнутьевом монастыре два года: он отдавался иноческим подвигам со всем пылом молодой души: проводил время в посте и молитве, раньше всех являлся к церковному пению, покорялся воле настоятеля, угождал всей братии, хранил душевную и телесную чистоту. Все в монастыре любили Даниила и удивлялись, как он, моложе других возрастом, мог столь быстро подняться добродетелями и чистотою жизни над своими сподвижниками. Преклонение перед подвигами Даниила было так велико, что его желали даже видеть преемником преподобного Пафнутия на игуменстве в Боровской обители.

Может быть, спасаясь от соблазнов властительства или подражая примеру своего начальника Левкия и других славных иноков, Даниил оставляет Пафнутьеву обитель и обходит многие монастыри, чтобы изучить их добрые обычаи и насладиться беседами известных старцев-подвижников. Наконец, он пребывает в родной Переяславль, когда его отец уже умер, а мать постриглась в монашество с именем Феодосии. Он поселяется в Никитском Переяславском монастыре, несет пономарское послушание, затем переходит в Горицкий монастырь Пречистой Богородицы, где был игуменом его родственник Антоний, и прилежно несет послушание просфорника. Сюда пришли к нему братья Герасим и Флор; первый умер в Горицком монастыре в сане диакона в 1507 г., а второй перешел в обитель, которую позднее основал Даниил, и здесь окончил дни свои. Игумен Антоний убедил Даниила принять сан иеромонаха. Поставленный во священноинока, подвижник всего себя посвятил новому служению: нередко он проводил без сна целые ночи, а в течение одного года ежедневно совершал Божественные литургии. Строгой богоугодной жизнью и

неусыпными трудами Даниил обратил на себя общее внимание: не только монахи, но и мирские люди, от бояр до простолюдинов, приходили к нему и исповедовали свои грехи. Как искусный врач, преподобный проливает на душевные язвы целительный бальзам покаяния, повязует их Божественными заповедями и направляет грешников на путь здоровой, богоугодной жизни.

Когда случайно странники заходили в монастырь, Даниил неизменно по заповеди Господней принимал и покоил их; иногда же выпрашивал: нет ли кого, брошенного на пути, замерзшего или убитого грабителями? Узнавши, что такие беспризорные люди есть, преподобный тайно ночью выходил из обители, подбирал их и на своих плечах приносил в скудельницу, которая была недалеко от обители и называлась Божий дом. Здесь на божедомье он отпевал безвестных гостей и поминал их в молитвах при служении литургий. Но не на всех одинаково действовал пример подвижника: некто Григорий Изъединов, собственник того места, где было божедомье, приставил к нему своего слугу, чтобы со всякого погребаемого в скудельнице брать плату, и без нее нельзя было похоронить никого.

Как-то пришел в Горицкий монастырь странник: никто не знал, откуда он явился и как его зовут; пришлец ничего не говорил, кроме одного слова: «дядюшка». Преподобный Даниил очень привязался к неизвестному и часто давал ему приют в своей келлии, когда путник бывал в монастыре. Однажды в перевозимье подвижник шел в церковь к заутрени и, так как ночь была темна, на полпути споткнулся обо что-то и упал. Думая, что у него под ногами дерево, преподобный хотел отодвинуть его и, к ужасу своему, заметил, что это мертвый странник, тот самый, который произносил одно слово: «дядюшка»; тело было еще тепло, но душа оставила его. Даниил одел умершего, отпел надгробные песни, отнес на божедомье и положил вместе с другими покойниками. Начав совершать по страннику сорокоуст, подвижник сильно скорбел о том, что не знает его имени, и укорял себя, почему не похоронил усопшего в монастыре, около святой церкви. И часто, даже во время молитвы, вспоминался Даниилу безвестный странник: все хотелось перенести тело из скудельницы в монастырь, но сделать этого было нельзя, так как оно было завалено телами других покойников. После молитвы подвижник часто выходил из келлии на заднее крыльцо, откуда был виден на горе ряд скудельниц с человеческими телами, возникших от того, что в течение многих лет здесь погребали странников. И не один раз видел преподобный, как от скудельниц исходит свет, словно от множества пылающих свечей. Даниил дивился этому явлению и говорил себе: «Сколько среди погребенных здесь угодников Божиих? их недостойн весь мир и мы, грешные; их не только презирают, но и унижают; по отшествии из мира их не погребают у святых церквей, не совершают по ним поминок, но Бог не оставляет их, а еще больше прославляет. Что бы такое устроить для них?»

И Бог внушил преподобному мысль устроить церковь на том месте, где виднелся свет, и поставить при ней священника, чтобы он служил Божественные литургии и поминал души усопших, которые покоятся в скудельницах, и прежде других неведомого странника. Часто размышлял об этом преподобный, и не один год, но никому не объявлял о своих намерениях, говоря: «Если это угодно Богу, Он сотворит по воле Своей».

Как-то пришел к подвижнику священноинок Никифор, бывший игумен Никольского монастыря на Болоте, в Переяславле-Залесском, и сказал, что он много раз слышал звон на месте, где были скудельницы. Иногда же Никифору виделось, что он перенесен на гору со скудельницами, и вся она полна котлов и других сосудов, какие бывают в монастырских общежитиях. «Я, – прибавил Никифор, – не обращал внимания на это видение, почитал его как бы за сон или мечту; но оно неотступно было в моем уме, непрерывно неся и звон со скудельничной горы, и вот я решил поведать это твоему преподобию».

Даниил ответил гостю: «Что ты видел духовными очами, Бог может привести и в исполнение на месте том, не сомневайся в этом».

Однажды шли на Москву из заволжских обителей по делам три монаха и остановились у преподобного Даниила как человека, более других набожного и известного гостеприимством. Подвижник принял путников как вестников небесных, угостил их, чем

Бог послал, и вступил с ними в беседу. Странники оказались людьми опытными в делах духовных, и Даниил подумал про себя: «Я никому не сообщал о свете, который видел в скудельницах, и о намерении устроить при них церковь, но эти три мужа, видимо, посланы мне от Бога; столь рассудительным людям следует открыть свою мысль и, как они разрешат мои недоумения, пусть так и будет». И подвижник по порядку стал говорить гостям о неизвестном страннике, о его смерти, о своем раскаянии, что не у церкви похоронил его, о свете над скудельницами и о желании устроить при них храм для поминания погребенных на божедомье и прежде всех незабвенного странника. Со слезами на глазах Даниил закончил свою речь к старцам: «Господа мои! Вижу, что по Божественному изволению вы пришли сюда просветить мою худость и разрешить мои недоумения. Совета доброго прошу у вас: душа моя горит желанием выстроить церковь при скудельницах, но не знаю, от Бога ли эта мысль. Подайте мне руку помощи и помолитесь о моем недостойнстве, чтобы этот помысл оставил меня, если он не угоден Богу, или перешел в дело, если Богу угоден. Сам я не верю желанию своему и боюсь, как бы оно не принесло соблазна вместо пользы. Посоветуйте мне, как следует поступить: что вы укажете, то я и выполню с помощью Божией». Три старца как бы одними устами ответили Даниилу: «Про столь великое дело Божие мы не смеем говорить от себя, а передадим лишь, что слышали от духовных отцов, которые искусны в благоумном обсуждении помыслов, волнующих души иноков. Если какой помысл и от Бога, не следует доверяться своему уму и скоро приступать к его исполнению, оберегая себя от искушений лукавого. Хотя ты и не новичок в подвигах, давно привержен к монашеским трудам и почтен саном священства, однако и тебе следует просить помощи от Бога и Ему вверить дело свое. Повелевают отцы: если мысль влечет нас на какое-нибудь начинание, хотя бы оно казалось и очень полезным, не следует раньше трех лет приводить его в исполнение: чтобы действовало не наше хотение и чтобы мы не вверялись своей воле и пониманию. Так и ты, отче Данииле, подожди три года. Если помысл не от Бога, незаметно переменится твое настроение, и мысль, тебя волнующая, мало-помалу исчезнет. А если хотение твое внушено Господом и согласно с Его волей, в течение трех лет твоя мысль будет расти и разгораться сильнее огня и никогда не пропадет и не забудется; днем и ночью она станет волновать твой дух – и ты узнаешь, что помысл от Господа, и Всесильный произведет его в дело по воле Своей. Тогда можно будет мало-помалу воздвигать святую церковь, и начинание твое не посрамится».

Подвижник сложил мудрые слова старцев в сердце своем, подивился, почему они указали обождать именно три года, и расстался с дорогими гостями, которые отправились в дальнейший путь.

Три года ждал Даниил и никому не сказывал ни о видении над скудельницами, ни о намерении воздвигнуть церковь, ни о совете трех пустынножителей. Прежняя мысль не покидала его духа, но горела, как пламя, которое раздувает ветер и, как острое жало, не давала ему покоя ни днем, ни ночью. Подвижник всегда смотрел на место, где надумал построить храм, слезной молитвой призывал к себе помощь Божию и вспоминал старцев, которые подали ему добрый совет. И Господь внял молению верного раба Своего.

У великого князя Василия Иоанновича были в приближении и пользовались почетом бояре-братья Иоанн и Василий Андреевичи Челяднины. Но величие земное часто разлетается как дым, и Челяднины попали в немилость. Являться ко двору великого князя им было невозможно, и они отправились на житье с матерью, женами и детьми в свою вотчину – село Первятино в нынешнем Ростовском уезде Ярославской губернии, в 34 верстах от Переяславля-Залесского. Опальные бояре всячески старались вернуть к себе благоволение великого князя, но их усилия были напрасны. Тогда Челяднины вспомнили о преподобном Данииле и решили просить его молитв, чтобы утолить гнев державного владыки. Они послали в Горицкий монастырь слугу с грамоткой, в которой просили подвижника отслужить молебен в скорбях Заступнице – Божией Матери и великому чудотворцу Николаю, освятить воду и совершить литургию за царское здравие. Кроме того, бояре просили Даниила, чтобы он тайно от всех, даже и от архимандрита монастыря,

посетил их в Первятине и принес им просфору со святой водой. Подвижник отслужил все, о чем его просили, и по своему обычаю пешком отправился к Челядниним. Когда Даниил подходил к Первятину, звонили к обедне; бояре Иоанн и Василий с матерью шли и церковь к Божественной литургии. Увидев вдали путника-монаха, бояре тотчас решили, что это Даниил, быстро пошли к нему навстречу, приняли от него благословение и обрадовались ему как доброму вестнику иного мира. Челяднины с гостем отправились в церковь. Когда началась литургия, приехал посол из Москвы от великого князя Василия: опала с бояр снималась, и им велели скорее ехать на службу в Москву. Счастье, выпавшее на их долю, Челяднины объяснили себе силою Данииловых молитв, упали к ногам подвижника и говорили: «Как мы отплатим тебе, отец, за то, что твоими молитвами Господь любвеобильно смягчил царское сердце и показал милость на нас, рабах Своих?»

После обедни бояре предложили Даниилу откусать с собой и окружили его всяческим почетом. Но подвижник считал всякую славу и честь на земле суетными и потому говорил боярам: «Я самый худой и грешный из всех людей, и за что вы меня чтите? Больше всего почитайте Бога, соблюдайте Его заповеди и делайте угодное перед очами Его; души свои очищайте покаянием, никому не делайте зла, имейте со всеми любовь, творите милостыню и служите великому князю верой и правдой. Так обретете счастье во временной сей жизни, а в будущем веке бесконечный покой».

После этого преподобный сказал Челядниним: «Есть вблизи Горицкого монастыря божедомье, где издавна почивают тела христиан, скончавшихся напрасной смертью, никогда не бывает над ними поминовений служб, не вынимают об их упокоении частиц, не приносят за них ладану и свеч. Следует вам позаботиться, чтобы при скудельницах была воздвигнута Божия церковь для поминовения нечаянно усопших христиан».

Боярин Василий ответил: «Отче Данииле! Поистине твоему преподобию следует позаботиться об этом чудном деле. Если твоими молитвами благоизволит Бог, чтобы мы узрели царские очи, я умолю святейшего митрополита, и он даст тебе грамоту на освобождение той церкви от всяких даней и пошлин».

Даниил сказал на это: «Великое дело – благословение и грамота святейшего митрополита. Но если та церковь не будет защищена царским именем, после нас наступит оскудение; а будет ей попечение и грамота царя и великого князя, верю, дело это не оскудеет во веки».

Челяднины ответили подвижнику: «Достойно и праведно не знать оскудения месту, которое взято в попечение самим царем. Раз ты этого хочешь, постарайся быть в Москве, а мы, если Господь приведет нас быть в прежних чинах (Василий состоял дворецким, а Иван – конюшим), представим тебя самодержавцу, и он исполнит твоё хотение».

После этой беседы преподобный Даниил возвратился в монастырь, а Челяднины отправились к Москве и получили свои прежние звания. С благословения Горицкого архимандрита Исаии не замедлил пойти к Москве и Даниил. Челяднины представили его великому князю Василию и рассказали о намерении подвижника соорудить церковь на божедомьи. Великий князь похвалил ревность Даниила, решил, что следует быть при скудельницах церкви, и приказал дать подвижнику грамоту. По этой царской грамоте никто не должен был вступаться в место при скудельницах, и служители церкви, которая будет построена, не должны зависеть ни от кого, кроме Даниила. Великий князь дал милостыню на построение храма и послал Даниила за благословением к митрополиту Московскому Симону. Вместе с преподобным пошли к митрополиту по царскому повелению и Челяднины, рассказали святителю о деле и передали ему царскую волю, чтобы соорудить церковь в Переяславле над скудельницами. Митрополит побеседовал с преподобным, благословил его ставить церковь и велел написать для него храмозданную грамоту.

Бояре Челяднины пригласили Даниила к себе в дом, и он вел с ними беседу о пользе душевной. Их мать Варвара внимательно прислушивалась к речам подвижника и просила его указать ей вернейший путь избавления от грехов. Преподобный говорил ей: «Если заботишься о душе, омывай грехи слезами и милостынею, истребляй их истинным

покаянием, и тогда получишь не только оставление прегрешений, но и вечную блаженную жизнь, станешь причастницей Небесного Царства; и не одну свою душу спасешь, но и многим послужишь на пользу, и роду своему поможешь молитвами».

Варвара спросила со слезами на глазах: «Что же ты укажешь мне делать?» Даниил ответил: «Христос сказал во Святом Евангелии: если кто не отречется от всего имения, не может быть Моим учеником; кто не возьмет креста своего и не пойдет за Мною, не достоин Меня (Мф.10:38); если кто оставит отца и мать, или жену, или детей, или села и имения имени Моего ради, получит во сто крат и наследует живот вечный (Мф.19:29). Так и ты, госпожа, слушай слов Господних, возьми иго Его на себя, понеси крест Его: не тяжело ради Его оставить дом и детей, и все прелести мира. Если желаешь жить беспечальной жизнью, одлекись в монашеские одежды, умертви постом всякое мудрование плоти, поживи духом для Бога и будешь царствовать с Ним во веки».

Убежденная речь подвижника потрясла душу боярыни, и Варвара скоро постриглась в иноческий образ с именем Варсонофии. В своей дальнейшей жизни новонареченная монахиня старалась свято блюсти заветы преподобного Даниила: она непрестанно молилась, была воздержанна в пище и питье, прилежно посещала храм Божий, имела ко всем нелицемерную любовь и творила дела милосердия. Ее одежды хоть и не были дурны, но часто бывали покрыты пылью, и она не переменила их целыми годами: только на Пасху надевала новые, а старые отдавала нищим. По уходе преподобного в Переяславль Варсонофия скорбела о том, что лишилась вождя, наставника в жизни духовной. А когда он по делам навещался в Москву, Варсонофия неизменно призывала его к себе и насыщала душу свою мудрыми словами старца. С ней вместе слушали беседы Даниила ее дочери и снохи и говорили потом старице: «Никогда и нигде мы не чувствовали такого благоухания, как в твоей келлии во время посещений Даниила».

По прибытии в Переяславль преподобный из Горицкой обители каждодневно ходил к скудельницам утром, в полдень и после вечерни, чтобы выбрать поудобнее место для построения храма. Божедомье находилось не вдали от селений, было удобно для распашки, но никто никогда не пахал и не сеял на нем. Место одичало, поросло можжевельником и ягодичьем: Промысл Божий, видимо, хранил его от мирских рук для водворения иноков и для прославления имени Божия, о чем так старался преподобный Даниил.

Раз, когда отшельник удалился на божедомье, он увидал женщину, которая бродила по можжевельнику и горько плакала. Желая подать скорбящей слово утешения, подвижник подошел к ней. Женщина спросила, как его имя. «Грешный Даниил», – ответил он со своим обычным смирением.

«Вижу, – сказала ему незнакомка, – что ты раб Божий; не посетуй, если я открою тебе одно изумительное явление. Мой дом на посаде этого города (то есть Переяславля) недалеко от скудельниц. По ночам мы занимаемся рукоделием, чтобы зарабатывать на пропитание и одежду. Не один раз, выглядывая из окна на это место, я видела на нем ночью необычайное сияние и как бы ряд горящих свеч. Глубокое раздумье напало на меня, и я не могу отделаться от мысли, что этим видением умершие родные наводят на меня страх и требуют поминовения по себе. У меня в скудельницах похоронены отец и мать, дети и родственники, и я не знаю, что мне делать. Я охотно стала бы совершать поминки по ним, но на божедомье нет церкви и негде заказать канун по усопшим. В тебе, отче, я вижу посланника Божия: Господа ради, устрой поминовение моих родных на этом месте по твоему разумению».

Женщина вынула из-за пазухи платок, в котором было завернуто сто серебряных монет, и отдала деньги старцу, чтобы он поставил крест или икону в скудельнице или устроил что-либо другое по своему желанию. Подвижник понял, что Божиим Промыслом начинается дело, о котором он так долго и так много думал, и воздал хвалу Господу.

В другой раз старец встретил на божедомье грустного и озабоченного человека, который сказал, что он рыболов. «По виду твоему, – обратился он к Даниилу, – я вижу, что ты истинный раб Божий, и хочу объяснить тебе, почему я скитаюсь в этих местах. Вставая до

рассвета, мы имеем обычай отправляться на рыбную ловлю: и не один раз я видел с озера, как на божедомье блистал непонятный свет. Думаю, что это мои родители и родственники, погребенные в скудельницах, требуют помину по душам своим. А мне никогда не приходилось до сих пор поминать их, частью по бедности, частью же потому, что на божедомье не построено церкви. Прошу тебя, отче, поминай родителей моих и молись за них на этом месте, чтобы душа моя успокоилась и не тревожило меня больше это видение». Окончив речь, рыболов вручил Даниилу сто серебряных монет, который подвижник принял как дар Божий на святое дело построения церкви.

В третий раз старец, ходя по божедомью, встретил около можжевельника поселянина, который приблизился к Даниилу и сказал: «Благослови меня, отче, назови свое имя и открой, зачем ты здесь ходишь?» Старец объявил свое имя и заметил, что ходит здесь, прогоняя уныние. Поселянин продолжал: «По твоему виду и словам я догадываюсь, что ты человек набожный и, если прикажешь, я расскажу тебе об одном деле».

«Говори, раб Божий, – ответил Даниил, – чтобы и нам получить пользу от твоих слов».

«Отче, – сказал поселянин, – нам всегда приходится ездить в Переяславль на торг с разными плодами и скотом около этого места, и мы спешим попасть в город пораньше, задолго до рассвета. Не один раз я видел на божедомье необычайный свет, слышал шум, точно от какого-то пения, и ужас напал на меня при проезде этими местами. Вспоминая, что многие из наших родных покоятся в скудельницах, я думал: наверно, это они требуют поминовения. Но не знаю, что делать: на этом пустынном месте нет ни церкви, ни живых людей. Отче, помолись обо мне, чтобы Господь избавил меня от страшного видения, и поминай родителей наших на этом месте, как Бог умудрит тебя».

С этими словами поселянин также передал старцу сто серебряных монет. Даниил со слезами на глазах воздал хвалу Господу Богу, что Он через трех людей послал ему триста сребреников, и приступил к построению церкви над скудельницами.

Прежде всего надо было решить, во имя кого строить храм. Многие по этому поводу давали свои советы, но более других пришлась по душе Даниилу мысль Горицкого священника Трифона (позднее постриженного в монахи с именем Тихона); он сказал подвижнику: «Следует на божедомье поставить церковь во имя Всех святых, от века Богу угодивших, так как ты хочешь творить память о душах весьма многих людей, которые упокоены в скудельницах; если среди усопших окажутся угодники Божии, то и они причтутся к сонму всех святых и будут заступниками и покровителями храма Божия».

Подвижник, не любивший доверяться одному своему разумению, охотно последовал благому совету Трифона и прибавил от себя: «Да и тот безвестный странник, который мне говорил: “дядюшка”, если он воистину угодник Божий, со всеми святыми будет призываться в молитвах. А он ведь главный виновник того, что я стал размышлять о построении церкви: с тех пор, как я положил его в скудельнице, необыкновенно разгорелось во мне желание создать храм на божедомье». Преподобный решил построить всего одну церковь над скудельницами и призвать к ней белого священника с пономарем.

Отправившись на реку Трубеж (где стояло много плотов), чтобы приобрести бревна для церкви, Даниил встретился с престарелым купцом Феодором, который был переселен из Новгорода в Переяславль при великом князе Иоанне III в 1488 году. Приняв благословение от подвижника, купец спросил: «Для какой надобности, отче, ты покупаешь эти бревна?» – «Имею в виду, если угодно будет Господу, воздвигнуть на божедомном месте церковь». – «Там будет монастырь?» – «Нет, будет одна церковка и при ней белый священник с пономарем». – «Следует на том месте быть монастырю; да и меня, отче, благослови купить бревенец, чтобы поставить себе на божедомье келлику, там постричься в монашество и провести остаток дней своих».

Феодор действительно был потом пострижен с именем Феодосия и с усердием нес все тяготы иноческой жизни. И многие другие горожане и поселяне, купцы, ремесленники и земледельцы понастроили себе по примеру Феодора келлий и с благословения Даниила приняли пострижение. Так, помощью Божией, над скудельницами возник целый монастырь

в лето от Рождества Христова 1508-е. Когда церковь во имя Всех святых была окончена, на освящение ее (15 июля) из города Переяславля и окрестных сел сошлось множество священников и всякого мирского люда со свечами, ладаном и милостынею, и была великая радость, что на опустелом месте устроится святая обитель. Вместе с храмом во имя Всех святых поставлена была трапеза с церковью во имя Похвалы Пресвятой Богородицы. Даниил избрал игумена, призвал двух священников, диакона, пономаря и просфорника, и началось каждодневное совершение Божественной литургии. Заботами подвижника церкви украсились святыми иконами чудного письма; на монастырских воротах также были поставлены иконы хорошей работы; приобретены были книги и другая Богослужебная утварь. У каждой скудельницы Даниил поставил высокие кресты, и у подножия их часто стали совершаться панихиды всею служащею братиею обители. Когда от долгих лет изветшала клеть над скудельницами, где полагали усопших до их предания земле и где находили приют люди бездомные, – оказалось, что нет денег на построение новой. Преподобный обратился к упомянутому священнику Трифону: «У тебя есть клеть для жита, уступи ее мне». Трифон, думая, что подвижник хочет ссыпать хлеб, уступил клеть Даниилу, а старец поставил ее над скудельницей вместо старой. Немало дивился Трифон бескорыстию преподобного и его безграничной заботливости о упокоении странников и погребении умерших.

Преподобный, живя в Горицкой обители, всякий день ходил в монастырь, им устроенный: посещал игумена и братию и поучал их свято хранить монастырский чин и украшать себя добродетелями. Подавая добрый пример новосозванным инокам, Даниил строил для братии келлии своими руками и распахивал небольшое поле по соседству с монастырем. Без сел и имений пребывали эти иноки, снискивая себе пропитание рукодельем, какое кто знал, да принимая милостыню от христоробцев. Но находились жестокие люди, которые были не прочь покорытоваться от обители и поживиться на счет ее трудов. Недалеко от устрояемого Даниилом монастыря было село Воргуша, которым владели немецкий выходец Иоанн с женой Наталией. Наталия, женщина свирепая и бесстыдная, вместе с Григорием Изъединовым почувствовали сильную вражду к преподобному и стали укорять его: «На нашей земле, – говорили они, – поставил монастырь и распахивает поле и хочет захватить наши земли и села, которые близко подходят к монастырю».

Наталия, скача на коне, вместе со слугами, вооруженными кольями, отгоняла Даниила с трудниками от пашни и не давала им выходить из монастыря на полевые работы. Преподобный кротко сносил брань и укоры, утешал братию и молил Бога, чтобы Он смягчил сердца враждующих с монастырем, Наталию же с Григорием увещевал не обижать братии и не злобствовать на новоустрояемую обитель. С течением времени кротость преподобного победила ярость соседей: они образумились, просили у старца прощения и никогда больше не враждовали с ним.

Не всегда был мир и в монастыре, который с беспредельной любовью и самоотвержением строил преподобный. Кое-кто из братии роптали на Даниила, говоря: «Мы ожидали, что ты соорудил обитель, собрав довольно имущества, а теперь нам приходится одеваться и питаться как попало; не знаем, на что решиться: уйти назад в мир, или же ты промыслишь как-нибудь о нас?»

Преподобный утешал ропотников: «Бог Своим неизреченным промыслом все устроит на пользу людям; потерпите немного: Господь не оставит места этого и пропитает вас, не по моей воле устроился здесь монастырь, а по велению Божию. Что я могу сделать? Как позаботиться о вас? Господь же милосердный может все устроить и при моей жизни, и после моей смерти».

То, что было у Даниила в запасе, он немедленно раздал жалобникам и успокоил их недовольство. Но эти жалобы наполняли его душу скорбью и сомнениями: он уже хотел прекратить дальнейшее устройство обители и удалиться в Пафнутьев монастырь.

«Не по моему хотению, – грустил подвижник, – начал строиться монастырь: у меня и в мыслях этого не было; я желал одного – воздвигнуть церковь и вверить ее Промыслу Господню и царскому попечению, а самому почить от трудов и предаться безмолвному житию. По Божьей воле началось это дело, на нее я и оставлю его: как угодно Господу, так пусть и будет! Если бы я сам думал строить монастырь, то и жил бы в нем; а я живу под началом Горицкого архимандрита и не состою пастырем новособранного стада».

О мысли преподобного оставить начатое дело построения обители узнала мать его и стала увещевать сына: «Какая польза, дитя мое, что ты хочешь оставить начатое строение, опечалить братию обители, порвать свой союз с нею и огорчить меня, близкую к смерти. Совсем не думай об этом, заботься о монастыре, сколько хватит сил, а скорби, какие будут выпадать тебе на долю, принимай с благодарностью, и Господь не оставит тебя с твоей обителью. А когда Бог возьмет меня из этой жизни, ты и мое грешное тело положишь в своем монастыре».

При этом мать дала Даниилу сто серебряных монет и полотно, которым велела покрыть себя при погребении. Мало-помалу бедность монастыря стала уменьшаться, а число братии прибавилось. Преподобный часто посещал братию монастыря и поучал их со вниманием относиться к своей душе; правило для церкви и келлии он налагал нетрудное, однако никому не давал разлентиться.

Среди иноков были тогда люди простые, больше всего из поселян; между ними находился и один брат, который сильно желал рассказать Даниилу чудесное явление, но по простоте своей робел и не решался. Подвижник понял намерение брата и спросил его: «Какое у тебя дело ко мне? Не стыдись, расскажи, брат». Простец ответил: «Не смею, отче, как бы братия не назвали меня клеветником». Преподобный сказал ему: «Не бойся, чадо, я никому не объявлю о том, что ты мне сообщишь». Тогда брат начал речь: «Накажи, отче, здешнего пономаря, так как он расточает твое достояние, и я думаю, будет большой ущерб тебе и монастырю, потому что он не бережет церковного имущества. Как-то я не спал ночью, глядел в окно из келлии на монастырь и видел большой огонь: думая, что начался пожар, я пришел в ужас. Но, осмотревшись, заметил, что отворена церковь, и в ней горит бесчисленное множество свеч: они прилеплены к стенам с одной стороны и с другой, изнутри и снаружи, и даже паперти были наполнены ими. Также и скудельница вся изнутри и снаружи, с обеих сторон, была облеплена свечами, и по всему монастырю горело множество огней. Самого пономаря я не видел, но ключи церковные обычно хранятся у него; ему поручены все свечи и, кроме него, кто может устроить это, когда нет ни людей, ни пения церковного? Ты, отче, запрети ему делать это, а на меня не сказывай». Даниил ответил брату: «Если бы ты пребывал в лености и спал, не удостоился бы видеть такого чудного явления. И впредь, брат, делай также, всегда упражняйся в молитве, и увидишь больше этого, а я усовещу пономаря и тебя не выдам».

Даниил наставил брата душеполезными словами и отпустил в келлию, а сам воздал слезное благодарение Господу, что Он открыл простецу, ради его великого подвига, благодать света, озаряющую души праведников, которые упокоились в новосозданной обители.

О подобном же сиянии рассказывал Даниилу и монах Исаия, прежде бывший в миру священником, хромой на одну ногу. «Однажды я не спал ночью,отяготивши себя питьем (и это говорил он притворно, чтобы сокрыть свой духовный подвиг) и вышел из келлии в сени, чтобы прохладиться, отворил двери на монастырь и видел от церкви необыкновенный свет, который озарял всю обитель; церковь была отворена, внутри и вне ее горело множество свеч и большое число священников пело и совершало каждения внутри храма и около него, а также и в скудельнице (которая тогда была в монастыре); они окадили весь монастырь, так что запах фимиама, наполнивший обитель, дошел и до меня, грешного».

Даниил дивился столь чудному явлению и возблагодарил Господа. В первой четверти XVI века из монастыря, основанного преподобным Кириллом Белозерским, в Данилов прибыл священноиннок Тихон, родом переяславец, ранее бывший священником при церкви

святого Владимира, а позднее епископом города Коломны. Проживая в Даниловой обители, Тихон начал утверждать в братии правило церковное и келейное по примеру великих подвижников из заволжских монастырей. Одни из братии последовали новым обычаям, другие же, частью по старости, частью от простоты сердечной, не могли подчинить себя им и подвизались по мере сил своих. Тихон же требовал, чтобы правило совершалось у него на глазах: кто не мог сделать десяти поклонов, тому предписывалось положить сто и более; кто был не в силах исполнить тридцати, получал приказание совершить триста. Немошные из братии приуныли, не зная, как им быть, и с плачем обратились к Даниилу, чтобы он вывел из горького положения. Преподобный похвалил нововведение Тихона и не велел роптать на него. «Кто эти законоположения выполнит без возражений, получит великую пользу душе своей». А Тихону сказал: «Надобно строгие правила налагать на людей сильных, по заветам Великого Пахомия, а немощным и не привыкшим к чрезмерным трудам предъявлять более слабые требования. Братия этой обители – из старых поселян и не привыкли к подвигам совершенных иноков. Проведши всю жизнь в простых обычаях и вступив в монахи с надломленными силами, они не могут вести себя как опытные подвижники: их добрые намерения, воздыхание сердечное, пост и молитва пред лицом Божиим заменят подвиги монахов, известных строгим соблюдением тяжелых иноческих уставов».

Скоро после этого Тихон ушел в Чудов монастырь в Москве.

Когда Горицкий архимандрит Исаия остарел, и ему было не под силу управлять монастырем, он оставил архимандритство и удалился на место своего пострижения – в Пафнутьев монастырь. Братия стали молить преподобного Даниила, чтобы он взял на себя начальствование в обители, так как он был всем угоден и все желали иметь его своим пастырем и наставником. Но напрасны были просьбы братии: преподобный не соглашался принять начальство над монастырем. Тогда было отправлено посольство в Москву к Челяднинным, которые пригласили к себе преподобного и упросили его принять архимандритство в Горицкой обители, близкой сердцу названных бояр. Вынужденный на то, чего в душе не желал, Даниил сказал Челяднинным: «Да будет вам известно, что хотя вы и принудили меня сделаться архимандритом, но не до конца я останусь в этой должности».

Когда Даниил в сане архимандрита явился к Горицкой братии, его приняли с необыкновенною радостью, как Ангела Божия. Войдя в церковь и совершив молебен, преподобный обратился к присутствующим: «Господа мои, отцы и братия, по благодати Божией и вашему хотению я, худейший и грешнейший из всех людей, стал вашим наставником; если угодно вашей любви, предложу вам поучение».

Братия поклонились начальнику, изъявили готовность его слушать и повиноваться ему. Преподобный продолжал: «Если так хотите делать, будете истинными слугами Божиими и наследуете жизнь вечную. Вы знаете, господа мои, сколько лет странствия моего на земле вы берегли меня в этой обители и никогда ничем не огорчили меня, но во всем имели со мной согласие, хотя я и не был вашим начальником. Теперь же молю вас и советую вам: перемените ваш старый обычай, с которым вы сжились, так как при нем нельзя быть в обители чину и уставу».

Братия, как один человек, спросили: «Что прикажешь, отче, нам делать?» Даниил ответил: «Знаю, что вы привыкли выходить из монастыря без благословения настоятеля на рынки и в дома мирян; там вы пируете, проводите ночи, а иногда и многие дни, и ненадолго приходите в монастырь. И вы, братие, без нашего благословения из монастыря никогда не выходите, ни по какой надобности, в мирских домах не ночуйте; пьянства уклоняйтесь, в церковь являйтесь к началу всякой службы. Есть у вас при каждой келлии баня, а инокам не следует бесстыдно обнажаться и мыться и творить угодное плоти; немедленно разорите бани и живите по-монашески. Я заметил среди вас: когда бывают праздники или совершаются поминки по родным или справляются именины, вы сзываете в свои келлии родственников и друзей с женами и детьми. У вас в келлиях ночуют мужчины и женщины с грудными детьми и гостят без выходу многие дни. Молю вас, братие, чтобы подобное

бесчинство было оставлено: пиров у себя в келлиях не устраивайте: женщин не только не оставляйте у себя на ночлег, но и совсем не допускайте в келлии, хотя бы они были и близкими родственницами. Келлии у вас большие, с высокими подъемами и лестницами, как у вельмож и начальников, а не как у монастырских насельников; и вы, братие, перестройте свои келлии сообразно иноческому смирению».

Братия обещались исполнить требования преподобного: хотя им и трудно было расстаться с старинным русским обычаем, однако решили разорить бани; как ни тяжело казалось удалить от себя родных и друзей и прекратить пиры, однако послушались подвижника и в этом; напрасным и невозможным представлялось им перестраивать келлии, но не могли перечить наставнику. Некоторые из братии, впрочем, тайком говорили друг другу: «Сами мы навлекли на себя все это; мы хотели, чтобы Даниил был у нас архимандритом, а не знали, что он разорит наши обычаи и положит конец своеволию. Он прекрасно знает наши нестроения и с Божьей помощью не попустит, чтобы продолжалось бесчиние».

Один из братии, Антоний Суровец, более других восставал на Даниила и с яростью говорил: «Разлучил ты нас с миром; теперь и я избавлюсь от падения своего», – и при всех исповедал тяжкий грех свой.

Преподобный кротко и любовно укоры и гнев Антония обратил в урок для остальной братии: «Его покаянию следует и нам подражать, так как сей брат не устыдился греха своего, но перед всеми вами исповедался».

Антоний поражен был речами преподобного, пришел в чувство и всю остальную жизнь провел в воздержании, постоянно прибегая к советам и молитвам Даниила. Подвижник стал своими руками перестраивать келлии, украшать церкви, искоренять в обители всякое бесчиние; он образумливал братию и наставлял на путь истины не силою, но кротостью и духовною любовью, всем подавая пример чистой жизни и глубокого смирения.

Один из московских вельмож пришел в обитель и увидел Даниила, который, подобно простому рабочему, копал яму для монастырской ограды. Боярин спросил Даниила, дома ли архимандрит? Даниил ответил: «Ступай в монастырь и там найдешь достойный прием и отдохновение, а архимандрит – человек непотребный и грешный».

Вельможа подивился укорам против архимандрита и пошел в обитель. Даниил же явился ранее его, встретив пришельца, по достоинству принял его и угостил, а затем отпустил со словами назидания. Немало был поражен гость трудолюбием и смиренномудрием подвижника и пошел домой, благодаря Бога, что не бедна Русская земля людьми, великими духом.

Но начальство и власть тяготили преподобного Даниила: не прошло и года с принятия им архимандритства, как он оставил настоятельство и пожелал вести безмолвную жизнь в том же Горицком монастыре. Братия тужили об этом отречении и усиленно просили подвижника снова принять под начало, но все моления иноков оказались напрасными. Вместо Даниила стал архимандритом на Горицах священноинок Иона из Богоявленского монастыря в Москве за торгом (на нынешней Никольской улице). Новый архимандрит очень чтит преподобного, охранял его от всяких беспокойств, почасту беседовал с ним и пользовался его советами. А Даниил часто посещал созданный им монастырь, всячески заботился о нем и трудился не покладая рук, чтобы между братией царили мир и согласие.

Многие из вельмож приходили к преподобному и наслаждались его беседами о пользе душевной, а также священники, монахи и люди простые. Посетители приносили в обитель богатую милостыню, а некоторые сами становились иноками и отказывали монастырю свои имущества. Как-то в Переяславль прибыл великий князь Василий и своими глазами увидел труды старца для прославления имени Божия: благочиние священноинок, благолепие церквей, добрые порядки монастыря, простоту и кротость иноков. Царственный гость остался очень доволен строем обители, проникся большим почтением к преподобному; из любви к нему великий князь уделил монастырю щедрую милостыню, приказав ежегодно отпускать в него хлеб из царских житниц. От приношения христоробцев обитель стала

крепнуть: хотя она и не была богатою, но не терпела и прежних недостатков. Явилась даже возможность с благословения митрополита всея Руси Варлаама (между 1511 и 1521 гг.) воздвигнуть новую благолепную церковь, а старую перевести в Горицкий монастырь на место сгоревшей. Кроме того, был сооружен новый храм, по виду очень большой, с двумя кровлями: расширен монастырь и понастроены благообразные келлии. В деле устройства преподобному много помогал его ученик Герасим, родом переяславец, промыслом сапожник. Когда подвижник жил в Горицкой обители, Герасим был с ним в одной келлии его послушником, затем обошел много монастырей и хотел постричься в каком-нибудь из них, но ему посоветовали принять постриг от Даниила. Герасим пришел к преподобному, постригся у него, обучился грамоте и был очень полезным помощником ему во всякого рода делах и посылках, так что про него знал даже великий князь Василий. Этот Герасим († 1554; память 1/14 мая) позднее основал большой монастырь в 20-ти верстах от Дорогобужа (нынешней Смоленской губернии) в Болдине и несколько малых в теперешней Орловской губернии и той же Смоленской.

Брат великого князя Василия Димитрий Иоаннович Углицкий на пути из Углича в Москву и обратно всегда заезжал в Данилов монастырь, любил вести душеполезные беседы с преподобным и часто давал его монастырю милостыню. Благодаря старца за его труды во славу Божию, князь говаривал: «Всякое дело начинается людьми, а приводится к концу Богом. Сколько раз я проезжал по этому месту и всегда видел его пустым и заброшенным всеми, теперь в самое короткое время какой оно наполнилось красотой и благодатью!»

Князь Димитрий возымел сильную привязанность к монастырю и стал искать поводов как можно чаще встречаться с преподобным, так что Даниил много раз пешком приходил в Углич. Любовь князя к новой обители сказалась в том, что он упросил брата дать ей за упокой своей души целое село Будовское.

Великий князь во второй раз навестил преподобного в его монастыре, осматривал новые церкви, радовался увеличению братии и приказал выдать двойную милостыню и вспоможение хлебом. После того, как Даниил прожил в Горицком монастыре около 30 лет, великий князь в третий раз прибыл в Переяславль. Стоя за вечерней в Горицах, самодержец услышал, что на ектениях поминают настоятеля Иова, и сказал преподобному: «С этой поры иди на житие в свой монастырь и вели поминать на ектениях себя; устрой в обители общежитие, а о том, что для него нужно, не печалься: я позабочусь об этом».

По этому княжескому повелению и устроилось в Данилове монастыре общее житие. В четвертый раз великий князь Василий с супругой Еленой посетил обитель преподобного Даниила в 1528 году на пути в монастырь Кирилло-Белозерский и в другие святые места для молитвы о даровании ему наследника. Прибыв в Переяславль, великий князь проявил больше прежнего любви к подвижнику, отведал братских хлеба с квасом, посадил преподобного рядом с собой и по его ходатайству избавил от смерти некоторых преступников. В память своего пребывания в обители великий князь приказал поставить каменную церковь во имя Святой Троицы, а каменные сараи Горицкой церкви и храма Никиты Чудотворца велел Даниилу перевезти в свой монастырь. Но Троицкая церковь с приделом Иоанна Предтечи была поставлена уже после смерти Василия, в правление его малолетнего сына Иоанна IV, при митрополите Данииле. Вместе с названной церковью была выстроена каменная же трапезная в честь Похвалы Пресвятой Богородицы с приделом во имя Всех святых, а под нею разные палаты, нужные для монастырского обихода. Один из иноков, Марк, сказал преподобному: «Хором понастроено много, для какой надобности все это?» Даниил отвечал: «Если Богу будет угодно, эти постройки не окажутся напрасными. Поверь мне, брат Марк, хотя я и грешен и телом буду отдален от вас, но духом никогда не разлучусь с вами, и благодать Божия пребудет на месте этом».

Господь Бог видимо не покидал Своею помощью святую обитель. Наступил всюду большой голод, не минул он и Переяславля-Залесского. На торгу не было хлеба ни печеного, ни в зерне, а у Даниила в монастыре проживало до 70 с лишком человек братии, кроме мирян. Жита становилось все меньше и меньше. Старший хлебник, по имени

Филофей, инок добродетельный, упал духом и сказал: «Господин! дойди до житниц и посмотри, как мало остается муки: нам хватит ее не больше, как на неделю, а до нового урожая более 7 месяцев».

Подвижник пришел к житнице и увидел, что муки около 15 четвертей, как и сказал ему хлебник. Явилась убогая вдова, которой с детьми грозила голодная смерть, и просила себе с семьей муки на пропитание. Даниил наполнил ей мукой мешочек, помолился Богу, благословил остальную муку и торжественно сказал келарю: «Не нарушь повеления нашего, не обидь голодных людей, которые будут приходить в монастырь за помощью, не отпускай из него никого без пропитания, и Господь защитит нас по воле Своей». Приказания старца были свято исполнены: всем приходившим давали довольно, но остатка муки хватало на прокормление иноков, простых людей, нищих и голодных, которые являлись за подаванием. И жившие в монастырском селе питались тем же остатком муки, пока не поспел новый хлеб и не прекратился голод. Только за полмесяца до свежего урожая прослышали о недостатке хлеба в Данилове монастыре христолюбивые вельможи Феодор Шапкин да Никита Зезевитов и прислали 80 четвертей ржи на пропитание братии.

Забываясь о пище телесной, больше всего преподобный старался питать братию хлебом духовным. Он наставлял монахов совершать молитвы в церкви и келлиях со страхом и благоговением не только днем, но и ночью. Он требовал также, чтобы после вечернего правила никто не вел праздных разговоров, но пребывал в безмолвии и в меру предавался сну. Когда один монах, состоявший при хлебной службе, после вечернего правила был вынужден вступить в тайную беседу с другим монахом, Даниил утром вразумил его: «Не следует, брат, после вечернего правила нарушать в монастыре безмолвие и вести разговоры в келлиях и во всяких службах, а надобно в тиши помышлять о душе. Ты же этой ночью беседовал в хлебопекарне. Оставь это, брат». Виновный упал к ногам преподобного и просил прощения, которое и получил.

Среди учеников подвижника был уроженец немецких стран Нил, знакомый с лекарскими науками. Он жил богато в мире, но презрел прелести его, пришел к Даниилу и принял пострижение в возрасте около 40 лет. Он с жаром отдался иноческим подвигам: мыл братиям власяницы, носил воду и ставил ее около келлии каждого, одевался в плохие одежды, никогда не выходил из обители, даже не стаивал у ее ворот, питался хлебом и водой и то через день и помалу старался всем угодить. Воспитывая в себе умиление духа и беспрекословное послушание, даже, по благословению преподобного, возложил на себя железные вериги. Считая себя грешнее всех людей, Нил всех просил молиться за него и сам всегда благодарил Господа, говоря: «Я на себе постиг, что Христос, Бог наш, воистину человеколюбив, ибо меня, столь мерзкого и нечистого, Он не возгнушался привести от немецкой прелести в благочестивую православную веру и сопричислить к чину иноков, Ему работающих».

Этот брат всегда помнил о часе смертном и скорбел, что придется дать ответ на Страшном суде и, может быть, терпеть вечные муки. Постоянные размышления об одной смерти без воспоминания о бесконечной любви Божией навели на душу Нила глубокое уныние, которое легко могло перейти в отчаяние. Преподобный Даниил понял опасность, в какой находился брат, и поспешил дать ему руку помощи: «Кто хочет избежать смерти, пусть верует от всей души Богу и никогда не умрет», – поучал он.

Нил обиделся на Даниила и в раздражении воскликнул: «Что это? Никогда я не слышал глумления из уст твоих, теперь же думаю, что ты, издеваясь надо мной, говоришь: кто не хочет умереть, тот не умрет во веки. Все мы, люди, подчинены смерти: уж не думаешь ли ты один избежать ее? Перестань глумиться надо мной».

Преподобный не оскорбился, слыша эти укоризны, но еще сильнее убеждал Нила не отчаиваться, верить в бессмертие души. Нил слабо поддавался утешению, сердился на старца и плакал. Тогда преподобный велел одному из пришедших в монастырь увещевать страдальца, и этот сказал Нилу: «Зачем ты ропщешь на отца? Он говорит сущую правду, что живущие здесь богоугодно не увидят смерти. Душа человека праведного разлучается с

телом и переселяется в вечную жизнь со святыми, которую уготовал Бог любящим Его (1Кор.11:9)».

Под влиянием этих слов Нил задумался, упал к ногам преподобного и с рыданием воскликнул: «Прости Христа ради, я сильно грешил пред тобой и спорил по неведению; теперь я вполне понял, что угодившие Богу не умирают. Не поднимусь от твоих ног, пока не простишь меня совершенно».

Преподобный Даниил утешал скорбящего, а Нил до конца дней своих сохранил ясность душевную и умиление.

Один из монахов, живших в Даниловом монастыре, отпуская жито для приготовления братского кваса, кроме обычной доли в две осмины без разрешения настоятеля прибавил третью, чтобы питье было лучше. Но квас оказался прогорклым и похожим на уксус. Даниил сделал выговор брату и приказал изготовить новый квас. Когда стали разводить сусло и влили обычное количество воды, подвижник велел принести еще воды, и так носили воду до тех пор, пока не осталось ее в колодце. Даниил приказал носить воду из горного пруда, и ею наполнили всю монастырскую посуду. Братия дивились и говорили: «Что это будет, и какой-то получится квас при таком обилии воды?»

Преподобный же помолился Богу и благословил квас: и его молитвами множество воды превратилось в квас сладкий, с приятным запахом и видом. И все с удовольствием вкушали напиток, который не старел, но казался пьющим его неизменно новым. То же случалось и с пищей: самые простые кушанья через благословение Даниилово представлялись сладкими и полезными; а больные, с верою пившие братский квас, выздоравливали.

Как-то обходил преподобный с братией обитель и увидел у ограды монастырской трех никому не ведомых калек, очень больных. Даниил сказал одному из монахов: «Возьми этих трех мужчин в свою келлию и позаботься о них; Господь послал их для нашей пользы». Их взяли в монастырь и упокоили.

И многие из горожан и поселян, зная Даниилово нищелюбие, приносили к его обители болящих, которые совсем не владели собой или были еле живы от укусов зверей. Таких недужных их родные подбрасывали в обитель тайно, не имея сил кормить их и ходить за ними. Преподобный с радостью принимал страдалцев в монастырь, заботился о них, покоил и врачевал их, утешал душеполезными словами и снабжал пищей и одеждой. Некоторые из них, выздоровев, возвращались домой к родным, другие жили в обители, а иные и умирали в ней.

Однажды преподобный в простых санях направлялся к Москве с старым монахом Мисаилом (Шуленовым): подвижник усаживал его в санях, как господина, а сам шел пешком; так делал он и с другими братьями, когда они были его спутниками. Только сильно устав, Даниил присаживался на краешек саней, но, отдохнув, опять шел пешком. Настала снежная буря и продолжалась день и ночь: только с трудом можно было выйти из избы, а в дальнюю дорогу не смел идти никто. Порывом бури преподобного выбросило из саней, а Мисаила свалило в овраг. Престарелый монах не знал дороги, да и нельзя было видеть ни зги от необыкновенной вьюги; он загоревал, не видя преподобного и не будучи в силах двинуться с места. Весь день и ночь Мисаил творил молитву, призывая на помощь Богоматерь, всех святых и преподобного Даниила и ежеминутно ожидая смерти. Утром буря стихла, наугад Мисаил стал отыскивать путь и добрал до села Сваткова, куда другой дорогой прибыл немного ранее и преподобный с величайшим трудом. Старцы воздали благодарение Господу, что избавились от смерти, и все, видя их, дивились и славилы Бога.

Некогда знакомый преподобному переяславский священник шел из Москвы в свой город, и с ним было двое сослуживцев, ростовский игумен и миряне. На путников внезапно напали разбойники из шайки Симона Воронова. Священник, знакомый преподобному, был схвачен первым, и один из грабителей крепко держал его. Чувствуя беду, служитель Божий осенил себя крестным знамением и стал совершать тайную молитву: «Господи, Иисусе Христе, Боже мой, силою Честного и Животворящего Креста Твоего и молитв ради отца моего, преподобного старца Даниила, избави мя от разбойников сих».

В тот же миг грабитель оставил священника и бросился обирать других, а освободившийся пустился бежать.

Другой разбойник из той же шайки догнал священника и уже занес обнаженную саблю, чтобы убить его, но Божией помощью и молитвами преподобного оставил свое намерение, и священник избежал явной смерти; не погибли и его спутники, а только были ограблены, между тем как других разбойники грабили и избивали.

Когда ограбленные достигли Переяславля, названный священник пришел в монастырь к Даниилу и подробно рассказал ему о нападении. Подвижник вместе со спасенным прославили Бога и решили до времени молчать о происшествии с разбойниками. Тому же священнику некогда преподобный сказал: «В настоящую пору христолюбивый самодержец совершает избрание нового духовника вместо прежнего. Ты ж, хоть и не желаешь, будешь там в свое время».

И это действительно произошло на десятом году по смерти преподобного.

Неопытный ученик преподобного Мисаил Устинов, живший с ним в одной хоромине, вздумал сравняться в подвигах с Даниилом, но скоро впал в уныние и беспричинный страх. Ему стало чудиться, что келлия наполняется маленькими человечками: он чувствовал их у себя за пазухой, в руках, на голове под камилавкой и под обувью; всюду ползали человечки в бесчисленном множестве: он хватал их, старался сбросить с себя, но число их все увеличивалось, и они своим ползанием и возней наводили на душу Мисаила невообразимый ужас. Тогда несчастный взмолился преподобному о помощи. Даниил ответил: «Подвизайся, брат, не бойся! Бог поможет тебе».

Мисаил, однако, не чувствовал облегчения: он не спал три ночи, ничего не ел и не пил и еле был жив от страха. Другой ученик преподобного, Марк, утешал собрата и говорил: «Не бойся козней вражиих; что тебе видится, то мы совсем не замечаем». А Мисаил ответил: «Если не видите, ощупайте руками; вот они, человечки, ползают у меня по голове и лицу, на руках и ногах, за пазухой и по всему телу: я, наверное, умру от них».

Марк ощупал несчастного руками и, понятно, ничего не заметил, а того больше и больше пронизывал ужас, и он раздражался рыданиями. Тогда Марк обратился с просьбами к преподобному, чтобы он своими молитвами помог Мисаилу в его тяжелых страданиях. Даниил немедленно отозвался на горе ближнего, пошел в церковь, совершил молебен, освятил воду и, возвратившись в келлию, оградил Мисаила крестом, окропил водою во имя Господа Вседержителя и сказал: «С тех пор ничего не бойся». Затем преподобный приказал Марку: «Веди Мисаила в келлию: когда же он уснет, не буди его к церковным службам, даже к литургии, пока не проснется сам».

Больной в тот же час погрузился в сон, спал долго, а встав, почувствовал себя бодрым, принял пищи и навсегда избавился от видений, помощью Божией и молитвами святого старца.

Та же болезнь постигла инока Феодосия Скудобрадного, певца, Горицкого постриженника, человека добродетельного и постника, который, всегда проливая слезы покаяния, так ослабил зрение, что еле видел тропу перед глазами. Живя в Даниловом монастыре при клиросном послушании, Феодосий однажды подбежал внезапно к окну Данииловой келлии, пал на землю и начал молить преподобного: «Бога ради, помоги мне, отец честный! я страдаю так же тяжело, как и Мисаил: нет на всем моем теле ни одного места, где бы не ползали человечки; я отчаялся в жизни и совсем не знаю, как избавиться мне от этой беды».

Святой старец сказал больному: «Иди, брат, в келлию свою и молитвою к Богу избавишься от скорби». Феодосий же возопил: «Не уйду от келлии твоей, пока не вознесешь ко Господу молитвы обо мне и благословением своим не спасешь меня от страшного горя».

Подвижник сотворил молитву, благословил страдальца, окропил святою водою и отпустил его с миром в келлию его. С той поры Феодосий совсем выздоровел и никогда больше до конца дней своих не переживал ни страха, ни видений.

В 1530 году исполнилось заветное желание великого князя Василия, которое, два года раньше, побудило его путешествовать по святым местам – у него 25 августа родился сын Иоанн. К преподобному Даниилу прибыл посол из Москвы с грамотой, которая указывала ему как можно скорей явиться к Москве. Преподобный, забыв свою старость (ему было около 70 лет) и оставив труды по обители, немедленно отправился в путь и скоро прибыл к самодержцу. Был призван и другой знаменитый в то время подвижник – Кассиан Босой, ученик преподобного Иосифа Волоцкого. Великий князь со слезами умиления сказал старцам, что их святыми молитвами, помощью Господа и Пречистой Богоматери послана ему на старости лет светлая радость – иметь сына и наследника царству. Вместе с тем самодержец просил подвижников быть восприемниками новорожденного от купели и ограждать его своими Богоприятными молитвами.

Святые старцы, по обычному смирению, сначала отказывались быть крестными отцами царского сына, но потом уступили желанию и просьбам великого князя Василия. Царь со всеми ближними боярами отправился в славную обитель преподобного Сергия и здесь в церкви Живоначальной Троицы, у Богоносных мощей чудотворца игумен монастыря Иоасаф (Скрипицын, с 1539 года митрополит всея Руси) 4 сентября совершил Крещение младенца. От святой купели приняли новокрещеного праведные старцы Даниил и Кассиан; дитя приложили к раке преподобного Сергия, чтобы поручить его защите и покрову святого угодника. На Божественной литургии новокрещеного носил преподобный Даниил.

Когда окончились торжества Крещения и помазания святым миром, преподобный Даниил отправился в свою обитель и обратился к прежним подвигам: он считал себя самым последним из людей, носил худые одежды, был первым на всякой монастырской работе, кротко и любовно беседовал со всеми, особенно же с убогими. Кое-кто из любопытных пришли посмотреть, как будет вести себя теперь царский кум, и нашли, что он заступом и лопатой вычищает сор из хлева, где кормились лошади у яслей, и спрашивает, почему этого не сделали работники. И все дивились кротости и простоте старца, а также и его беспримерному трудолюбию.

Преподобный был позван великим князем Василием в кумовья и во второй раз, через три года, когда у него родился другой сын, Георгий. И опять люди мира пришли посмотреть на старца, которому на долю выпала такая честь, но они увидали, что подвижник своими руками строит братские келлии и отхожие места.

Раз пришлось преподобному вместе с иноками Иларионом и Матфеем путешествовать в Великий Новгород, чтобы купить иконы для новопоставленной церкви. Путешествие было, когда в Новгороде архиепископствовал владыка Макарий, то есть между 1526 и 1542 гг.. В одном селе Калязинского монастыря (нынешней Тверской губернии) к монахам присоединились городские купцы: на всех их сделал нападение известный тогда разбойник Симон Воронов со своей шайкой. Похватав купцов и подпаливая их на огне, разбойники требовали у них денег, спрашивали и о Данииле, где он, рассчитывая ограбить и преподобного. Подвижник был в другой избе и творил молитву; сколько ни зажигали душегубцы пучков с лучиной, лучина всегда гасла, словно подмоченная водой, и они не могли отыскать святого старца, так как его хранила небесная сила. Иларион сидел в углу в той же избе, где истязали купцов, но молитвами преподобного и он остался незамеченным грабителями. А Матфей стоял возле угла той же избы: разбойники искали его, рыскали и стреляли около него, но не могли его увидеть. Захватив коней и часть монашеского скарба, грабители бросились бежать, как будто на них сделало нападение невидимое воинство. Долго спустя грабители были пойманы и толковали между собой: «Везде перед нами молитвы Данииловы расставлены как сети: и страх постоянно загоняет нас туда, а теперь мы и совсем в них запутались». Московские судии дали знать преподобному, чтобы он прислал кого-нибудь опознать свой скарб и коней и взять их. Но подвижник отказывался, говоря: «Бог Своєю благодатью укрыл нас от разбойничьих рук, не буду брать от них своего имущества; Господь отомстил им за нас, и нам больше нечего делать».

В царствование Иоанна Грозного градоправитель города Смоленска боярин Иоанн Семенович Воронцов впал в тяжкую болезнь. Находясь при смерти и не зная, к кому обратиться за помощью, Воронцов вспомнил о любви к нему старца Даниила и говорил в душе: «Отче Данииле! Ты всегда приносил нам много добра спасительными советами и поучениями, а твоими молитвами мы избавились не от одной скорби. Спаси мя и в этот раз от болезни своим заступлением: верую, что ты имеешь дерзновение перед Богом, чтобы облегчить мою боль».

Тотчас больной впал в забытие и видит, что около него сидит преподобный Даниил и врачует его. Пришедши в себя, Воронцов почувствовал себя здоровым, а его родственники и друзья были изумлены тем, что болезнь оставила его. Впоследствии боярин сам явился к преподобному, вручил ему милостыню на монастырь и объявил, что вернулся к жизни святыми молитвами подвижника.

В шестое лето правления Иоанна Грозного (в начале 1539 г.) преподобный Даниил почувствовал, что слабеет от старости и не в далеком времени должен покинуть эту жизнь. Созвав насельников своей обители, подвижник сказал им: «Возлюбленные о Христе отцы и братия! Бог собрал нас на этом месте для прославления святого имени Своего, Пречистой Богоматери и всех святых; вы обещались здесь работать Господу до конца дней ради спасения душ своих и меня приняли в общение с собой. Вы видите теперь, что дряхлею, и прежние силы покидают меня: я не могу уже больше быть старейшиною над вами. Кого же вы хотите избрать наставником вместо меня?»

Скорбные иноки хранили молчание и, хотя некоторые желали видеть настоятелем Кирилла, но не решались заявить об этом (после Кирилл все же стал архимандритом и правил обителью с 1542 по 1572 гг.). Подвижник решил известить и великого князя о необходимости назначить себе преемника, для чего и отправился в Москву. Царь с митрополитом Иоасафом были в Троице-Сергиевой лавре, и игумен этой обители Порфирий посоветовал избрать настоятелем в Данилов монастырь постриженника преподобного, Илариона, который жительствовавал на Белоозере, а в то время пребывал в Поръеве пустыни. По повелению царя и благословению митрополита Иларион и был поставлен архимандритом Даниловой обители. Тогда же Иоанн IV дал ей село Троицкое и Воргушу, а сродники Григория Изъединова приложили луг, где ныне находится монастырская слободка. Так началось в Даниловой обители архимандритство.

В октябре 1539 года по настоянию преподобного Даниила свидетельствованы были мощи святого князя Андрея Смоленского, почивавшие при Никольской церкви города Переяславля. Преподобный Даниил часто рассказывал душеполезные повести братии и мирянам, приходившим к нему ради назидания. Вот одна из них. Некий муж в городе Переяславле имел обычай сумерками ходить по церквам и молиться с поклонами. Как-то вечером пришлось ему быть у запертой церкви пророка Илии, на берегу реки Трубежа в Рыбной слободе. Когда он молился и клал поклоны, увидел человека, который направлялся к тому же храму. Пришедший раньше тайком скрылся за углом церкви, чтобы не быть заметным. Явившийся после с умилением молился и часто клал поклоны, вдруг церковные двери отворились какой-то невидимой силой; путник прошел в церковь для дальнейшей молитвы, и тотчас все свечи сами собой зажглись. Помолившись довольно, посетитель вышел из храма, свечи сами собой погасли, и двери затворились на замок. Таинственный богомолец подошел к реке Трубежу. Муж, ранее явившийся к церкви, подивился столь чудному делу, тайком последовал за богомольцем и видит, что он спустился на реку и перешел на другую сторону по воде, как по суше. Смотревший на таинственного путника нашел у берега плот с шестом и перебрался на другую сторону реки. У церкви святого Климента, царя Константина и апостола Филиппа он видел то же самое, что и у церкви пророка Илии, а затем богомолец пошел вверх реки по воде, как посуху. Следивший за ним не мог продолжать свои наблюдения, так как не нашел ни лады, ни плота, да и богомолец стал вдруг невидимым. Слушатели подвижника сильно подозревали, что ходивший по водам был не кто иной, как сам преподобный Даниил.

Видя себя уже у дверей гроба, святой старец очень желал уйти на место своего пострижения – в Пафнутьев монастырь, но моления братии удержали его. Тогда подвижник решил уйти тайно: уже перебрался в другой свой (малый) монастырь Христова Рождества и пробыл там ночь, чтобы отправиться в дальнейший путь, но его упросили до конца остаться в устроенной им обители. Он вернулся из Рождественского монастыря в городе Переяславле в свой большой монастырь и уже не делал попыток перейти в Пафнутьев Боровский монастырь. Больше и больше предчувствуя наступление смерти, Даниил кротко просил настоятеля своей обители руководить братией по закону Божию и преданиям святых отцов; управлять врученным ему стадом не из славы или своеволия, не в гневе или безрассудной дерзости, но в тишине, беззлобии и духовной любви; поддерживать немощных, пастырски направлять их и угождать не себе, а Богу и братии. Призвав своего ученика Кассиана, подвижник сказал: «Сын мой, возьми из грешных рук моих две эти волосяные одежды, которые я носил на теле моем: одну отдай повару Евстратию, а другую – Иринарху. Вы сами знаете все Евстратиевы добродетели... И другой повар, Иринарх, подвизается трудолюбно».

Старость все сильнее и сильнее повергала Даниила в изнеможение, и он уже с трудом передвигался. Однажды во время церковной службы он так ослабел, что не имел сил дойти до своей келлии и сказал братии: «Ведите меня в келлию, ибо я изнемогаю». Архимандрит Иларион позвал инока Иону, и они повели под руки старца. Вышедши из церкви через левые двери и минуя место, где теперь гроб святого, Даниил сказал: «Вот покой мой на веки; здесь и поселюсь, как желал, – и, заливаясь слезами, промолвил братии, – молю вас, братие, здесь погребите тело мое грешное».

Снявши с главы клобук, святой старец передал его иноку Ионе со словами: «Теперь, Иона, исполни желание мое, возьми этот клобук из грешной руки моей и возложи на свою голову». Иона бережно взял подарок и, поклонившись преподобному до земли, произнес: «Благословение твое да будет со мною во веки веков».

Старец ответил: «Аминь». Архимандрит же Иларион заметил преподобному: «Этот клобук ты отдал Ионе, а другого у тебя нет; что ты возложишь на главу свою?» Подвижник ответил на это: «Я уже не буду больше носить клобука, но поскорее ведите меня в келлию и пошлите за моим духовным отцом, пусть облечет меня в великий образ схимничества и возложит куколь на мою голову».

Пришел духовник и совершил над умирающим чин пострижения в схиму. Преподобный обратился тогда к архимандриту Илариону и братии с предсмертным наставлением: «Отцы и братия, Богособранное стадо! всеми силами старайтесь хранить и в точности соблюдать Божественные заповеди и предания отцов, о которых Сам Христос сказал: “доколе не пройдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не пройдет из закона... Поэтому, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном” (Мф.5:18-19). Отцы и братия, всегда помните обещание свое, которое вы даете при пострижении, предстоя святому престолу, на вопрос, “хочешь ли терпеть всякую скорбь и бедствия ради Царствия Небесного? Ей, с помощью Божией, честный отче!” А так как мы дали этот обет перед святым престолом, то и должны всячески питать друг к другу любовь, о которой Христос Спаситель наш заповедал: где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них (Мф.18:20). Нам следует нести на себе немощи слабых, старых братий не раздражать, а скорее угождать им; странников и нищих не оставлять без призора, а всячески оказывать им милость, насыщать и покоить, чтобы их ради приобрести Царство Небесное: так в древности праведный Авраам заботой о нищих достиг райского жилища; бесчинства и пустых бесед избегать, как и апостол Павел, наставляя нас на истину, повелевает удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно (2Фес.3:6). Бойтесь пьянства и запоя и не держите в обители хмельного, помня слова апостола Павла: Братия, не упивайтесь вином, от которого бывает распутство (Еф.5:18). Молю вас, отцы и братия, постарайтесь всеми силами следовать этой заповеди – не пить вина. Изначала не было пьянства в этой

обители, пусть и никогда не будет. Еще умоляю вас, отцы и братия, любите чистоту духа и тела; всегда в мысли своей держите час смертный и помните, что дадите ответ Праведному Судии за всякое дело и слово».

И о многом другом беседовал умирающий подвижник с братией и передал ей краткое письменное наставление.

Хотя преподобный слабел с каждым днем, однако, когда хоть немного собирал свои силы, старался раньше других явиться к церковной службе и со слезами молился Господу Богу. Иногда угасающие силы вдруг оставляли его, и он не мог стоять, садился на своем месте по правую сторону церковного клироса и воссылал непрестанную молитву. Ежеминутно чувствуя, как он недалек от смерти, подвижник говорил братии и мирянам, которые навещали его: «Отцы и братия! Вы видите, что меня одолевают разные болезни и конец жития моего близок. Прошу вас, Господа ради, помните любовь, которую имели ко мне, грешному, и не забывайте меня, ленивого, в своих молитвах ко Христу Богу нашему, да помилует Он мою душу грешную, да оградит святую обитель сию и живущих в ней, да сохранит их от наветов вражиих и направит на дела, угодные воле Его».

Но смерть все крепче и крепче налагала свою печать на уста подвижника: он уже не говорил, не слышал голоса братии и только слегка шевелил губами, творя тайную молитву. Так прошло довольно времени. Вдруг преподобный воскликнул радостным голосом настолько ясно, что все окружающие услышали его: «Где трое этих чудных старцев?» Бывшие вблизи братия спросили: «О каких монахах ты спрашиваешь, отец?»

«Перед основанием этой святой обители пустынники посетили меня в Горицах и теперь они пришли ко мне. Разве вы их не видите в этой келлии?»

Братия ответили: «Мы никого не видим, кроме твоих учеников, здесь стоящих».

Святой старец замолк, причастился Животворящих Таин Тела и Крови Господних и с миром предал трудолюбную душу свою в руки Божии. Это случилось 7 апреля 1540 года, в 11-м часу дня, в среду второй седмицы по Пасхе. Жития преподобного было более 80 лет.

Слух о кончине великого подвижника быстро разнесся по окрестностям: и сошлись на погребение его архимандриты, игумены, множество бояр, монахов, белых священников и простого люда из города и сел со свечами и ладаном. Торжественно погребли преподобного Даниила при церкви Святой Троицы, у самой стены, возле святого жертвенника, в монастыре, им устроенном.

В 1652 году, при царе Алексии Михайловиче и патриархе Никоне, последовало открытие мощей преподобного Даниила при таких обстоятельствах.

Боярский сын города Переяславля-Залесского Иван Андреевич Дауров, которого родители лишили наследства, ушел из отцовского дома и поселился на житье в Троицком Даниловом монастыре, чтобы приготовить себя к монашескому служению. По повелению настоятеля Иоанн вместе с другими монастырскими рабочими трудился на удаленной от монастыря пустоши Пыжеве. День был жаркий: солнце палило так сильно, что нельзя было продолжать работы, и монастырские трудники старались укрыться в тени дерев. Прилег под деревом Иоанн и уснул. Во сне предстал перед ним благообразный муж в монашеской одежде, и говорит: «Иоанн, Иоанн, встань! Новый исповедник и равно-апостольный Филипп, митрополит Московский и всея Руси, не захотел пребывать на Соловецком острове, но пришел на свой престол, в царствующий град Москву. Время и мне явиться: не могу более оставаться в земле, но пусть прославится имя мое, как и блаженного Филиппа».

Иоанн очень испугался и еле мог спросить: «Господин, скажи мне, кто ты и как твое имя?» Явившийся старец ответил: «Я Даниил, игумен Переяславский; встань, иди в обитель Пресвятой Троицы, где мой гроб, и возвести, что ты видишь, настоятелю и братии».

Сказав это, старец стал невидим. Иоанн, поднявшись от сна, не стал задерживаться с рабочими, но немедленно отправился в Троицкий Данилов монастырь, явился к настоятелю архимандриту Тихону и поведал ему о видении. Тихон призвал эконома Никиту и стал совещаться с ним, как устроить свидетельство мощей. Отдается приказание разыскать чудеса преподобного и с записью их отправиться к царю и патриарху, чтобы они повелели

произвести осмотр святых останков подвижника. Благочестивый царь и святейший патриарх, узнав о многих чудесах Даниила, дают эконому Никите грамоту, которой позволяют осмотреть мощи угодника Божия. Прибыв в монастырь, экономом прочитывает грамоту перед всей братией, устанавливается на короткое время пост, и затем монастырский собор приходит к Данилову гробу, над которым был каменный склеп. Пропев «Достойно есть», приступают к осмотру: настоятель, взяв лопату, делает знамение креста у головной части гроба и начинает копать; прорыв три ряда (в вышину лопаты), архимандрит передает лопату эконому, который усердно продолжает дело. Отверстие в могиле, словно сделанное руками человека, привело к середине гроба, над которым земля как бы стояла, в высоту с пол-аршина; на верхней крышке гроба, прямо против скважины в земле, оказалось также отверстие, в которое могла пролезть человеческая рука (через это отверстие немного земли попало и в самый гроб). Эконом со свечою в руках начал осматривать через отверстие мощи святого, а за ним и другие: нашли нетленное сокровище и исполнились радости. Начали расчищать место около гроба, чтобы мог сойти к нему и настоятель, который вместе с монахом Иовом клиросным и пекарем из мирян Гавриилом стояли вверху. Вдруг обрушилась земля и засыпала эконома Никиту по шею: архимандрит Тихон стал колом откапывать землю, чтобы освободить эконома, а Иов и Гавриил черпали ее сосудами, и спустя немного времени отрыли эконома. Теперь оказалось возможным совсем открыть гроб: и нашли мощи преподобного, как бы помазанного миром; одежда святого истлела мало; на голове его венец схимный был совсем новым, как будто только что возложен; лицо его было обращено направо к церкви Пресвятой Троицы, которую он создал; правою рукою он держал мантию при бедре или коленях; лицо святого благоукрашалось сединами. Землю, ссыпавшуюся в гроб, доставали руками и переносили в сосуд, который до сих пор стоит в монастыре: многие из него берут персть земную и получают исцеления от недугов и болезней. Настоятель, отпев панихиду, велел устроить деревянную палатку над гробом святого старца, и братия разошлись по келлиям, славя Господа, Который даровал обители столь великую благодать. Это обретение мощей совершилось 18 ноября; в навечерие пелась у гроба преподобного панихида, а утром – литургия. После этого настоятель с экономом изготовили донесение царю и патриарху об обретении мощей; грамоту повез в Москву эконом Никита. Патриарх спросил посланного: «Кого настоятель с братией хотят для освидетельствования мощей – архиерея, архимандрита или игумена?». Эконом ответил, что было бы желательно архиерея, и указал на митрополита Ростовского и Ярославского Иону, который имеет сильную любовь к Троицкой обители и ее основателю Даниилу. Патриарх, по совету с царем, дает эконому грамоту, которой Иона уполномочивается совершить освидетельствование мощей. Никита привез грамоту в Ростов 20 ноября и вручил митрополиту. Последний прибыл в Переяславскую обитель Живоначальной Троицы 27 ноября. Было совершено соборное всенощное бдение, а на другой день – Божественная литургия. По окончании ее пошли ко гробу преподобного; отворивши палатку, вошли внутрь. Митрополит Иона сказал присутствующим: «Видите этого нового исповедника, не соблазняйте, будьте вместе со мною свидетелями перед царем; не один я вижу этот чудный светильник, это восходящее солнце, но и все вы».

Свидетелями же были, кроме множества священников и народа, игумены и архимандриты переяславских монастырей. В тот же день прибежали в обитель двое исступленных, которые шумели и кричали: «Горе, горе! Беда, беда!» Иона дал им земли из гроба преподобного Даниила, и они выздоровели. Вошедши в Троицкую церковь, митрополит обратился к предстоящим со словами: «Вот мы исполнили царское повеление; теперь прошу вас, постарайтесь возвестить мне о чудесах преподобного, чтобы я мог отправить к царю донесение вместе с записанными чудотворениями».

Окружающие рассказывали о различных чудесах святого; митрополит записал их и за своею печатью отправил доклад с чудесами в Москву с экономом Никитой. Царь, ознакомившись с делом, приказал построить над гробом святого каменную церковь и

расписать ее, а память святого праздновать дважды в году – в день кончины и обретения мощей.

Господь прославил Своего угодника многочисленными чудесами.

В царствование Грозного был наместником в Переяславле князь Андрей Александрович Алабышев, по прозванию Оленкин. Он имел великую любовь к святому Даниилу при его жизни, а по смерти нес гроб его на своих плечах и помогал своими трудами во время погребения подвижника. Впоследствии давал милостыню монастырю Даниилову и кормил нищих в память почившего старца. Однажды пропала у князя Андрея золотая пуговица с редким жемчугом, застегивавшая его рубашку (быть может, фамильная драгоценность); он подозревал своих слуг, хотел расспрашивать их и, если потребуется, наказать. И вспомнил князь о преподобном Данииле и обратился с молитвой к нему: «Преподобный отче! хотя ты телом и ушел от нас, но духом пребываешь с нами. Помоги нам и рассеяй мои подозрения, чтобы мне избавиться от греха и не наказать домочадцев, если они невинны».

И вот смотрел раз Андрей из окна своего дома на уток, которые купались в дождевом потоке и гонялись друг за дружкой. Одна из них держала в носу пропавшую пуговицу, и, будто показав ее князю, бросила на землю. Пуговицу подняли и прославили Господа за избавление от греха. Князь Андрей немедленно пошел в Данилов монастырь, попросил отслужить панихиду над мощами преподобного, сделал покров к его гробу и соорудил каменное надгробье.

В походе с царем Иоанном IV под Казань 1552 года был пресвитер, знакомый преподобному Даниилу и всегда призывавший его в своих молитвах. Однажды ночью этот пресвитер погрузился в сон и видит себя как бы в обители Данииловой: преподобный – на каком-то высоком месте, около него стоят необычайные мужи, а он, пресвитер, сидит у ног святого старца и имеет на себе монашеское одеяние; предстоящие спросили Даниила: «Что прикажешь об этом человеке, одетом по-монашески, который имеет жену и детей?». Даниил ответил: «Бог хочет теперь пощадить его».

Пресвитер проснулся и так живо почувствовал на себе монашеские одежды, что даже стал искать их. Он преисполнился радости, что небесный покровитель защищает его и что ему не суждено умереть под Казанью. Открыв окно, пресвитер среди глубокой ночи видит явственно необычайный свет над городом, а в свете огненные столпы, которые, подобно горящим факелам, поднимали свое пламя к небесам. Он разбудил близкого к царю раненого вельможу, чтобы и тот взглянул на чудесное видение; вместе с раненым смотрели на свет другие и сказали: «Это должно быть знамением для христиан».

Кроме того, многие (и в числе их царь Иоанн IV) слышали в осажденной Казани звон наподобие звона большого колокола в Московском Симоновом монастыре. Царь и вельможи видели в этих явлениях залог победы над неверными и вознесли свои теплые молитвы к Пречистой Богородице и всем святым; призывался в молитвах и крестный царя преподобный Даниил. Казань, как известно, была взята войсками московского царя.

Боярин Лаврентий Дмитриевич Салтыков рассказал: «жена моя Евдокия впала в тяжкую болезнь, что не могла двинуть ни одним членом. Страдала она около 3 лет без всякого облегчения; стали готовить ее к смерти: исповедали, приобщили. Поднялся большой плач. Вдруг больная впала в какое-то оцепенение и видит: к ней подошел благообразный старец в монашеском одеянии со словами: «Ты страдаешь, женщина, почему же ты не просишь игумена Даниила Переяславского, чтобы его молитвами получить исцеление?» – «Кто же ты, что подаешь мне этот спасительный совет?» – «Я игумен Даниил, пришел дать тебе здравие; мощи же мои лежат в Троицкой обители Переяславля-Залесского, мною созданной». Сказав это, старец стал невидим.

Евдокия пришла в себя и почувствовала некоторое облегчение. Она начала со слезами молить Всесильного Бога даровать ей полное исцеление, призывала к себе на помощь прп. Даниила и велела совершить молебен у его гроба с освящением воды. Испив святой воды, страдальца почувствовала себя совершенно здоровой, как будто никогда и не болела».

Боярский сын Иоанн Аисин рассказал: «Я очень страдал внутреннею болезнью и прибегал к разным врачевствам, ища облегчения. Промучившись около 7 лет, вспомнил я о безмездном враче, преподобном Данииле, от которого много верующих получают облегчения. Я со слезами стал молиться ему, пришел в обитель Пресвятой Троицы к гробу святого и просил архимандрита Иосифа совершить молебен. Во время службы я по слабости сел близ раки преподобного и с умилением взирал на его образ; когда окончилось водоосвящение, я облобызал гроб преподобного Даниила, выпил святой воды и тотчас выздоровел по молитвам угодника Божия, дал довольную милостыню братии и возвратился в дом свой».

Жена Стефана Слоева Матрона впала в лютую болезнь глазами и почти совсем не видела света. Она потратила много имущества на лекарей и не получила облегчения. Стефан привозит свою жену в обитель преподобного Даниила. Прослушав молебен у гроба угодника Божия, муж ведет Матрону на колодезь святого, где она умывает свое лицо и глаза. По милости Бога и молитвам Его подвижника спала с глаз Матроны болезнь, как чешуя. Больной возвратилось зрение, и она пошла домой, славя Господа, Подателя всех благ.

Слуга Даниилова монастыря, именем Авраам, поведал, что его сын Илия, 17-ти лет, перестал владеть руками, ногами, языком и лежал на одре как мертвый; это тянулось около 50 дней. Отец позвал к болящему сыну священника из Данииловой обители, чтобы совершить молебен, и принес воды из колодезя, который подвижник выкопал своими руками. По окончании молебна преподобному Даниилу насильно раскрыли уста Илии и влили ложечкой немного монастырской воды: внезапно больной почувствовал себя бодрым, стал на ноги, овладел руками и начал говорить. Священник, возвратившись в Даниилову обитель, возвестил о чуде настоятелю и братии.

Повар Троицкого Даниилова монастыря Иоанн, по прозванию Богдан, лишился языка и долгое время лежал как мертвец. Подозвав к себе знаками домашних, больной просил их послать за отцом духовным, чтобы не умереть без покаяния. Случайно вблизи оказался иеромонах Даниилова монастыря Матфей; он исповедал больного и причастил Тайн Христовых, и жена Богдана, Стефанида, с великой верой пошла к колодезю преподобного Даниила, зачерпнула воды и дала выпить мужу. По молитвам угодника больной тотчас выздоровел.

Государев помытчик (помощник сокольничего) Антон Казаринов объявил: «За грехи свои я потерял разум и лежал на одре, как бездыханный истукан. После 40 дней страданий со слезами я стал молить угодника Божия Даниила об исцелении, обещал пойти к гробу преподобного и отслужить молебен, а также велел принести воды из Даниилова колодца. Испив этой воды, я уже не чувствовал болезни, встал со одра и пошел в обитель преподобного: совершил молебен у его гроба, всем рассказал о чуде и возвратился домой, славя Бога и Его святого угодника.

Посадский человек города Переяславля-Залесского Автоном, по ремеслу гладильщик, потерял слух: в голове у него начались шум и ломота. Больной сильно страдал целый год. Он имел веру к преподобному Даниилу и часто молился ему от избавления от беды. В четверг седьмой седмицы по Пасхе, когда, по преданию Даниилову, погребали в Троицкой обители странников, прибыл в монастырь и Автоном. Он припал со слезами ко гробу Божия угодника и просил его об исцелении. Вдруг, как бы забывшись, он слышит сильный гром, содрогается от страха, приходит в себя и уже не чувствует прежних болей. Когда со крестами отправились к скудельнице, пошел и выздоровевший Автоном; по окончании обряда погребения он открыл настоятелю и братии о совершившемся чуде.

Иона Самаровский, монах Троицкой Данииловой обители, очень болел ногами и не мог выходить из келлии около полутора лет. Болезнь не ослабевала, но с каждым днем становилась острее и острее. Старец часто молился преподобному Даниилу и призывал его к себе на помощь. Однажды ночью он слышит большой звон, который навел на него страх и в то же время несколько облегчил боли. Выбравшись из келлии, Иона видит над ракой

угодника множества горящих свечей; больной пополз к гробу, свет начал ослабевать и, наконец, светильники погасли совсем. Помолившись у гроба долгое время, Иона направился в свою келлию и по пути спросил монастырского сторожа: «Разве утренняя окончилась?» Сторож ответил: «Отец, еще не пели петухи и нигде в обители не было звону к заутрени». После разговора со сторожем исчезла болезнь старца, и он объявил о чуде над ним архимандриту с братией.

Священник села Усолья (в 18 верстах к западу от Переяславля) Стефан возвестил: «Дочь моя Матрона имела глазную болезнь, тянувшуюся долгое время, и не могла ясно различать предметы. Прослышав о чудесах у гроба преподобного Даниила, просила свезти ее туда. Прибыв в обитель Даниилову, отслушав молебен и приложившись к раке святого, больная получила исцеление».

Горицкой обители подмонастырской слободки иконописец Димитрий долгое время страдал от лихорадки. Помолившись преподобному, он пошел к его обители, совершил молебен у гроба Даниилова, испил воды из чудотворцева колодца и тотчас выздоровел. В благодарность за дарованное чудо Димитрий написал образ прп. Даниила и поставил его при колодце во славу имени святого.

Женщина по имени Стефанида впала в расслабление: она не владела ни руками, ни ногами, тряслась и еле могла лежать на одре. В великой скорби своей взмолилась больная преподобному Даниилу, который явился ей во сне и сказал: «Что вопиешь, жена, и сокрушаешь душу свою? Иди на колодезь, который я выкопал своими руками, желая вам подавать помощь, напейся из него воды и будешь здорова».

Встав, женщина пошла к колодезю, напилась воды из него и стала здоровой.

Плотник города Переяславля-Залесского Флор с женой Феодорой рассказали: «По грехам нашим у нашего сына Симеона случилась падучая; больного бросало оземь, изо рта показывалась пена, и он совсем терял сознание. Болезнь затянулась. Мы стали призывать на помощь преподобного Даниила и отправились к его гробу совершить молебен: придя от молебна домой, нашли сына, по молитвам преподобного, здоровым».

Священник того же города, церкви апостола Филиппа, Гавриил, сообщил: «Когда я был диаконом в обители Пресвятой Троицы, со мной случилась болезнь; я не мог согнуться, слег в постель и прохворал долгое время. Мысль о смерти заставила меня призвать духовника и открыть грехи свои. Когда духовный отец вышел от меня, вижу я, что двери храма, где служил, отворились: ко мне пришел светолепный старец (я узнал, что это был преподобный Даниил) и сказал: “Встань, диакон, до коих пор тебе болеть? Иди во святую церковь и слушай вечерню”. Я встал при этих словах, а святой удалился. Отслушав вечерню, я совершил обычное правило, а утром отслужил литургию и совсем выздоровел».

Конюх Петр возвестил, что его сын Афанасий стал бесноваться, бил об стену руками, безумно поворачивал глаза туда и сюда и гнал от себя людей близких и соседей, навещавших его. Отец и мать через силу притащили его ко гробу преподобного Даниила и начали служить молебен: бесноватый притих, а когда на него полили воды из чудотворцева колодца, стал вполне здоровым.

Петр, житель села Усолья, впал в тяжкую болезнь, потерял память и никого не узнавал. К нему явился в видении преподобный и сказал: «Страдая таким недугом, почему ты не молишься игумену Даниилу, который может исцелить тебя?» Больной вскрикнул: «Отче! Помоги мне и избавь от этой лютой болезни».

После этого Петр стал всех узнавать. Мать его быстро повезла сына ко гробу преподобного и отслужила молебен. Возвратившись домой, больной попытался обойти около села, так как не знал, оставила ли его болезнь совсем. Оказалось, что к Петру вернулась память, и он почувствовал себя окончательно выздоровевшим.

Моисей, старец Горицкого монастыря, объявил, что он еще в миру заболел ногами и пролежал более 8 недель в постели без всякого облегчения. Тогда он взмолился о помощи к преподобному Даниилу. В день Святого Духа сошлось в Троицкую обитель много богомольцев из окрестных сел и деревень; притащился вместе с другими и Моисей. Отстояв

молебен у гроба святого и облив себя водой из чудотворцева колодца, он оказался совсем здоровым.

Житель подмонастырской слободы Горицкого монастыря Иоанн Савин рассказал, что его сын, тоже Иоанн, имел внутреннюю болезнь, от которой страшно исхудал, еле передвигал ноги и мог только малое время посидеть у ворот. Когда он проболел год без всякого облегчения, привели его родители в обитель Даниилову, отслужили молебен у гроба святого и напоили водой из чудотворного колодца: больной вздрогнул и стал здоровым.

Феодор Молчанов, житель Рыбной слободы в Переяславле-Залесском, имел жену Параскеву, которая заболела горячкой: потеряла сознание, говорила неистовые речи, билась подолгу оземь и наводила на всех ужас. Прострадав полтора года, несчастная нисколько не оправилась. Однажды явился ей в видении преподобный Даниил и сказал: «Женщина! так страдая, ты не вспомнила, как согрешила перед Господом Богом; покайся, постись 7 дней и молись Всемогущему Богу, да будет милостив к тебе».

Параскева оцепенела от страха, потом пришла в себя и рассказала про явление отцу с матерью. Родители дали ей совет: «Хорошо, дочь; делай так, как велел тебе святой; призывай и его на помощь себе, и мы пойдем и отслужим за тебя молебен у его гроба».

После недели поста Параскева уже сама пришла к молебну и навсегда избавилась от болезни.

Казначей Феодоровского монастыря старец Гермоген сообщил, что он некогда был в Троицком Данииловом монастыре рабочим и строил келлии. Когда другие плотники уснули, Гермоген пошел к колодезю чудотворца и стал палкой бить по воде, как делают шаловливые дети. Тотчас у него руки одеревенели, и он перестал ими владеть. Проболев довольно долгое время, Гермоген раскаялся и со слезами просил прощения у святого подвижника, умильно взирав на его образ и молился словами и умом; в конце концов руки грешника приняли прежний вид.

В Рыбной слободе города Переяславля есть церковь Сорока мучеников; священник ее Иродион возвестил, что у него в доме жила племянница, именем Варвара, которая помутилась умом и говорила всевозможные нелепицы. Видя долгие страдания больной, священник стал молиться об ее выздоровлении и призывать на помощь преподобного Даниила. Он послал принести воды из чудотворцева колодца, отслужил молебен с водоосвящением, дал болящей напиться воды, и она тотчас пришла в себя.

Тот же священник рассказал, что у его сына Петра все тело покрылось вередями, что сильно беспокоило больного. В его же доме жила его сестра, богобоязненная вдова Феодора. Однажды ей привиделось во сне, что благовидный старец держит в руке сосуд с кропилом и долгое время кропит младенца. Утром она рассказала дома о видении. Отец пошел в Даниилову обитель и совершил молебен у гроба преподобного, усердно молясь перед его образом; потом пошел на чудотворцев колодезь, зачерпнул воды и дал младенцу. С того времени болячки исчезли с тела Петра.

Боярин Иван Климентович Чулков имел жену Ксению, у которой отнялись ноги, так что она не могла пройти по своему дому. Пролежав около 2 лет и потратив много денег на лечение, Ксения решила прибегнуть к небесной помощи и с своим слугою Григорием Никифоровым послала милостыню в Троицкий Данилов монастырь. «Упроси архимандрита, – сказала больная Григорию, – чтобы он всем собором молил преподобного Даниила о моем исцелении, освятил воду и прислал ее мне, грешной, как многоценный дар».

Архимандрит Корнилий все исполнил по воле Чулковой, послал к ней в дом иеромонаха Иосифа, который сотворил молитву и вручил больной святую воду. Испив ее, Чулкова почувствовала себя исцеленной, но ничего не сказала иеромонаху. Придя к заутрени в ближайшую церковь, Иосиф видит Ксению здоровой и ходящей как следует. Боярыня отпускает Иосифа в монастырь и велит рассказать архимандриту о чуде над ней, а потом, явившись на богомолье в обитель, и сама сообщает о том же настоятелю с братией.

Посадский человек города Переяславля-Залесского Максим Поклевин объявил, что его жена Матрона была очень больна ногою, на которой даже отгнили пальцы. Около года она пролежала в постели, так как не могла ходить. Ей во сне явился благообразный монах в священническом одеянии и сказал: «Женщина! Почему ты не поминаешь в молитвах и не хочешь призвать на помощь того, кто может тебя исцелить?» – «А кто ты, явившийся ко мне?» – «Я игумен Даниил».

Тогда больная стала взывать к угоднику о помощи, обещалась идти к его гробу, совершить молебен и приложить к его образу серебряную вызолоченную гривну. Спустя две недели она велит мужу отвезти ее в обитель Даниилову, исполняет свой обет и получает полное выздоровление.

Переяславец Прокопий Угримов известил, что его дочь, девица Феодосия, от какой-то болезни слегла в постель. Когда митрополит Иона свидетельствовал мощи преподобного, сошлось в монастырь много народа, и Прокопий послал своего сына Иоанна в Троицкий Даниилов монастырь совершить молебен о болящей сестре. Посланный все сделал как следует, принес воды из колодца святого угодника; ее дали пить страждущей, и она почувствовала себя легче. После двух недель, так как забыли молитвенно отблагодарить преподобного за его помощь, Феодосия снова слегла. Прокопий, раскаявшись в своем грехе, идет в Троицкую обитель, совершает молебен у гроба угодника, берет персти от останков и воды из его колодца; смесив персть с водой, дали страждущей выпить, и болезнь навсегда оставила ее, так что на другой день Феодосия сама пошла на молитву ко гробу Даниилову.

Того ж села крестьянка Агриппина объявила, что ее постигла сильная болезнь – ломота в голове, дряблость во всем теле, необыкновенная слабость в руках и ногах; она не могла больше работать и слегла в постель. Ее посетил духовный отец, ильинский священник Василий, и увещевал не унывать, а призывать в молитвах преподобного Даниила. Больная дала обет отправиться в Троицкий монастырь и помолиться у гроба преподобного, но раздумывала, как она исполнит обещание при своей хворобе. Внезапно ей стало легче, и она мало-помалу выздоровела.

Посадский человек г. Переяславля Симеон Анофриев рассказал, что он заболел глазами и не мог видеть ничего; от болезни он впал в отчаянную тоску. В одно воскресенье он услышал в полночь звон в Троицкой обители и велел вести себя ко гробу преподобного Даниила. За всю ночь Симеон стоял близ раки угодника Божия и при чтении слов Псалмопевца «Господи, Господь наш, как дивно имя Твое во всей земле» (Пс.8:2) начал видеть гроб святого и образа, из людей же никого не видал. А когда услышал слова того же Псалмопевца «во всю землю прошла проповедь их (апостолов) и до конца вселенной речи их» (Пс.18:5), прозрел вполне. После утрени, отслушав молебен, Симеон исцеленным пошел в дом свой с великой радостью.

Вдова Иустина, жительница города Переяславля, объявила, что она впала в тяжкую болезнь, от которой все ее внутренности тряслись; она лишилась сна и должна была лечь в постель. Больная призвала в молитве преподобного Даниила на помощь себе, послала сына Антонина отслужить молебен в Троицком монастыре, принести земли от гроба святого и воды из его колодца. Ей дали выпить воды с примесью принесенной земли, и она исцелилась.

Даниилова монастыря старец Игнатий удостоверил, что его сын Матфей страдал сильной горячкой, бился оземь с пеной у рта и говорил нелепости. Окружающие больного в страхе молились: «Господи, помилуй!» Болезнь продолжалась целых 15 лет. Старец много раз молился Богу о сыне своем и призывал на помощь преподобного Даниила, обещав написать и образ его. Наконец, Игнатию пришло на мысль взять Матфея и привезти ко гробу угодника Божия; здесь был совершен молебен, страдальца приложили к раке святого; его отвели к колодезю чудотворцеву, дали выпить воды и умыться, и он выздоровел.

В Рыбной слободе во Введенском женском монастыре (ныне приходская церковь Переяславля) была набожная старица Екатерина, которая имела сына Никиту, рыболова, Бога не боявшегося и матери не покорного. Мать молила Господа Милосердного, чтобы Он

вразумил ее сына и направил на путь истинный. Случилось Никите заболеть: у него начала гнить нога, на ней появилось до 12 ран; нога стала усыхать и потеряла обычную гибкость. Болезнь затянулась на полтора года. Екатерина много молилась о выздоровлении сына и призывала на помощь преподобного Даниила. В день Живоначальной Троицы старица пошла с народом в Троицкий монастырь ко гробу угодника, совершила молебен о болящем, взяла персти от гроба, воды из чудотворцева колодца и явилась в дом к сыну. Она стала увещевать Никиту, чтобы он покался и вел жизнь богобоязненную, что Господь за грехи наказывает нас болезнями, а когда мы исправляемся – получаем исцеление. Больной со вниманием прислушивался к наставлениям матери и размягчался сердцем, тогда она дала ему выпить воды с землей от гроба Даниилова, и сын ее стал здоров. Екатерина дала обет всякий год посещать Троицкую обитель и совершать молебны у раки святого; по исходе трех лет старица не исполнила своего обета и два года не являлась к мощам Даниила. Сын ее опять впал в прежний недуг. Екатерина поняла свой грех, скоро пошла в монастырь, просила прощения при гробе преподобного и совершила молебен. Когда она вернулась в свою келлию, пришел из дома и сын ее, говоря, что совсем выздоровел молитвами угодника Божия.

Иное жизнеописание преподобного Даниила Переяславского

В миру Димитрий, родился около 1460 года в г. Переяславле-Залесском от благочестивых родителей. С юных лет он обнаружил свою любовь к подвижничеству и подражал подвигам св. Симеона Столпника (память 1/14 сентября). Отрок был отдан на воспитание в Никитский монастырь к своему родственнику игумену Ионе, где полюбил иноческое житие и сам решил стать иноком. Боясь, как бы родители не помешали исполнению его намерения, он вместе с братом своим Герасимом тайно ушел в монастырь преподобного Пафнутия Боровского (память 1/14 мая). Здесь, приняв иноческое пострижение, преподобный Даниил под руководством опытного старца св. Левкия прожил 10 лет.

Получив опытность в духовной жизни, преподобный возвратился в Переяславль в Горицкий монастырь, где принял священство. Строгою богоугодною жизнью и неусыпными трудами св. Даниил обратил на себя всеобщее внимание; к нему стали многие приходить на исповедь и за духовными советами. Никто не уходил от преподобного Даниила не утешенным.

Особенным подвижническим проявлением любви к ближним стала забота преподобного об умерших нищих, бездомных и безродных людях. Если он слышал о каком-либо человеке, погибшем от разбойников, об утопленнике или замерзшем на дороге, которого некому погребсти, то всячески старался отыскать мертвое тело, относил его на своих руках в скудельницу (месте захоронения бездомных), погребал, а после поминал на Божественной литургии.

На месте скудельницы святой построил храм в честь Всех святых, чтобы в нем возносилась молитва о упокоении безвестно умерших христиан. Вокруг него несколько монахов выстроили себе келлии, образовав небольшой монастырь, где в 1525 году преподобный Даниил стал настоятелем. Одна из главных заповедей, которую преподдал новый настоятель, призывала принимать всех странников, убогих и нищих. Он вразумлял братию и наставляя на путь истины не силою, но кротостью и любовью, всем подавая пример чистой жизни и глубокого смирения.

Много чудес совершилось по молитвам преподобного Даниила: он обратил воду в целебный квас, исцелял братию от болезней; избавлял от опасностей. Во время голода, когда в монастырской житнице оставалось мало хлеба, он отдал его нищей вдове с детьми. И с тех пор в награду за милосердие преподобного мука в житнице не оскудевала в продолжении всего голода.

Еще при жизни преподобного авторитет его был настолько высок, что по его просьбе великий князь Василий III освобождал приговоренных к смертной казни и дважды просил его быть восприемником при Крещении своих детей.

Предчувствуя приближение кончины, преподобный Даниил принял великую схиму. Блаженный старец преставился на 81-м году своей жизни, 7 апреля 1540 года. Нетленные его мощи были обреты в 1652 г. Господь прославил Своего угодника многочисленными чудесами.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-daniil-perejaslavskij>

Тропарь, глас 3

От юности, блаженне, всего себе Господеву возложив,/ выну повинуюся Богу,/ противяся же диаволу,/ над страстьми греховными воцарился еси,/ тем сам храм Божий быв,/ и обитель красну во славу Пресвятыя Троицы воздвигнув/ и собранное тобою в ней стадо Христово Богоугодно упасши,/ преставился еси к вечным обителем,/ отче Данииле,/ моли Триипостаснаго во едином Существе Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 8

Невечерняго Света пресветлое светило,/ жития чистотою просвещающее всех,/ явился еси, отче Данииле:/ образ бо и правило иноком был еси,/ сиротам нее отец и питатель вдовицам./ Сего ради и мы, чада твоя, вопием ти:/ радуйся, радости и венче наш;/ радуйся, многое имый к Богу дерзновение;/ радуйся, граду нашему велие утверждение.

Страдание святого мученика Каллиопия



В Памфилийской Перги¹ жила благочестивая и богобоязненная женщина Феоклия; как она, так и ее семейство были проникнуты страхом Божиим; ведя добродетельную жизнь, Феоклия раздавала щедрую милостыню. Находясь в супружестве за почетным, происходившим из сенаторского и патрицианского рода², человеком, Феоклия в течение многих лет не рождала детей. Прилежными молитвами испросивши у Бога разрешение своему неплодству, она, спустя долгое время по выходе замуж, зачала. В это время скончался муж ее, оставивши ее наследницею огромного состояния. Родивши сына, она назвала его Каллиоппий³. Обучая его наукам, Феоклия главным образом старалась внушить ему страх Божий и научить его премудрости Божественного Писания. В те времена сильно было распространено служение кумирам, истина была скрываемая ложью и большинство людей поклонялись и приносили жертвы скверным идолам. Постоянными же спутниками жизни св.

Каллиоппии были молитва и пост. Когда о святом юноше сообщили судье что он христианин, то его мать блаженная Феоклия, снабдивши своего сына достаточным количеством денег, одеждою, а так же послав с ним некоторых слуг, отправила его на корабле в другую страну, чтобы избежать несправедливого осуждения. Таким образом, блаженный Каллиоппий, отплыл в Помпеопель Киликийский⁴. Увидавши здесь, что нечестивый вождь Максим

устраивает в честь скверных кумиров жертвы, пение и пляски, святой юноша удивлялся и спросил у кого-то: "что за причина такого вашего ликования?"

- Ныне праздник в честь богов наших, - отвечали они ему, - подойди и ты и присоединись к нашему пиршеству.

- Я христианин, - сказал святой, - и в посте провожу праздники в честь моего Христа, и неприлично чтобы уста, славящие Христа воспринимали оскверненные жертвы нечестивых богов.

Эти слова святого дошли до слуха военачальника Максима и последний, пылая гневом, приказал схватить и представить святого юношу к себе для допроса.

- Как зовут тебя? - спросил военачальник св. Каллиопия, когда его привели на суд.

- Я христианин - отвечал святой, - а имя мое Каллиопий.

- Ныне когда вся вселенная, - сказал военачальник, - устраивает пиршество по случаю праздника богов, почему ты один, не желая разделить с нами праздника, пребываешь в каком то заблуждении?

- Вот вы то, - ответил святой Каллиопий, - и суть те самые, которые ходят во тьме и обольщении, так как вы оставили живого Бога, создателя неба и земли, всё сотворившего Своим словом и поклоняетесь произведению рук человеческих, - бесчувственному дереву и растрескавшемуся камню.

- Твоя юность делает тебя дерзким, - возразил военачальник, - подвергая тебя самого опасности испытать не малочисленные мучения! Ответь нам, из какой ты страны и чьего рода?

- Я из Памфильской Пергии, - ответил святой, - сенаторского и патрицийского рода, но больше всего и почетнее всего для меня то, что я христианин.

- Есть ли у тебя родители? - спросил военачальник.

- Да, у меня есть мать, - отвечал святой, - а отец мой давно умер.

- Клянусь великим солнцем и всеми божествами, - отвечал военачальник, - что если ты поклонись богам, то я выдам за тебя замуж единственную дочь, которую имею.

- Если бы я захотел жениться, - отвечал святой, - то мог бы взять за себя твою дочь и ввести ее во владение матери моей. Но знай, что я обещался Богу моему Христу, создавшему меня по Своему образу, соблюсти бречное сие тело в чистом девстве и представить его непорочным пред праведным судом Его. Ты поступай, как тебе угодно, но я христианин.

- Скверный и злобный, - закричал военачальник, - ты вероятно думаешь этими речами возбудить во мне бешенство, чтобы я скорее убил тебя? Так знай же, что я буду мучить тебя в течение долгого времени, раздробляя на части твое тело, а остаток его предам огню для сожжения.

- Чем более продолжительно, - отвечал святой, - будут мои мучения, тем более светлый венец сплетется мне Христом за мои страдания. Ведь и Писание говорит, что никто не увенчается, если не будет замучен по закону (2Тим.2:5).

- Разложите его, - обратился военачальник к палачам, - и оловянными прутьями переломайте ему все кости!

Во время побоев святой Каллиопий произнес: "благодарю Тебя, Христе, что Ты сподобил меня ради прославления Твоего имени претерпеть мучения".

- Принеси жертву богам, - продолжал военачальник, - чтобы увидеть тебе твое отечество и не лишаться твоего имущества. Видишь, сколь жестоко мучат тебя!

- Я созерцаю сладость обещанного мне Христом будущего покоя и не ощущаю мучений, - сказал святой. - И хотя я в настоящее время нахожусь и в чужой стране, но я тем не менее знаю, что **"Господня земля и что наполняет ее"** (Пс.23:1). И здесь я вижу мать мою и свое отечество. Мать моя - православная Христова Церковь, а отечество Небесный Иерусалим, согласно слову апостольскому. **"Наше же жительство - на небесах"** (Фил.3:20). Если же ты напоминаешь мне о моей плотской матери, то есть Божественный голос, утверждающий: **"Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин"**

Меня" (Мф. 10:37). Я ни во что не ставлю изобилие богатств и почитаю за лучшее страдать со Христом распятым, чем со грехом иметь кратковременное удовлетворение безумного мира.

- Так как он уже положен, - сказал военачальник слугам, - то поверните его и бейте по животу сырыми жилами, приговаривая: нечестивец, не отвечай ни то, ни сё, но - на вопрос!

- Лишенный благ небесных и более свирепый, чем зверь, безумец! - сказал святой мученик военачальнику: - я и говорю тебе слова истины, а ты, имея ослепленные душевные очи и закрытые уши, чтобы не слышать слов Господних, несправедливо подвергаешь меня мучениям, убивая как разбойника!

- Поставьте, - приказал тогда военачальник палачам, - мучительское колесо с острыми железами и разведите под ним сильный огонь и туго, хотя бы даже до разрыва суставов, растянувши на колесе Каллиопия, в таком виде привяжите его к колесу и повертывайте, чтобы он погиб, разрезаемый железом и поджигаемый огнём.

Когда таким образом начали мучить святого юношу, он, в тяжких страданиях возопил ко Господу, говоря: "Прийди, Христе мой, на помощь рабу Твоему, - да прежде конца прославится чрез меня Твое святое имя, и дабы все знали, что уповающие на Тебя не посрамятся во веки" И вот немедленно предстал Ангел Господень, погасил огонь, остановил колесо и сделал его неподвижным и палачи не могли его повернуть. Молодое тело мученика обливалось на колесе кровью и сквозь глубокие раны заметны были кости, так как колесо имело на себе обоюдоострые, пилообразные мечи. Военачальник приказал развязать мученика и снять его с колеса. Зрелище страданий умилило всех смотревших и народ возопил, говоря: "О несправедливый судья! И какой юноша гибнет жестоко!"

- Не говорил ли я тебе, - сказал военачальник святому, - что молодость твоя делает тебя дерзким, подвергая тебя через это жестоким мучениям?

- Бесстыдный пёс, - отвечал святой, - ужели ты думаешь, что я испугался твоих мучений?

- Ты, окаянный, - заметил военачальник, - оскорбляешь меня, чтобы я скорее погубил тебя, но того не будет! Итак подойди и принеси жертву богам для избежания еще более жестоких мучений!

- Я уповаю, - отвечал святой мученик, - на Христа моего, и ты не в состоянии осквернить во мне исповедание Божие. Тело мое предоставляется тебе: мучь его, как хочешь, получишь за это отмщение от Бога в день Страшного Суда, **"ибо... какою мерою мерите, такою и вам будут мерить"** (Мф.7:2).

- Сковавши его железными веригами, - приказал военачальник палачам относительно святого Каллиопия, -стерегите его во внутренней темнице, не имейте о нем никакого попечения и не допускайте никого из близких к нему христиан входить к нему, чтобы кто-нибудь не восхвалил его за его терпение

Палачи немедленно сковали святого страдальца и бросили его во внутреннюю темницу.

Блаженная Феоклия, узнавши о таком страдании за Христа своего единородного сына, святого Каллиопия, написала завещание относительно своего дома и всего своего имущества: она освободила своих рабов и рабынь, - числом двести пятьдесят человек и раздала нищим всё золото и серебро и драгоценное одеяние, которое имела. Всё же остальное имущество и недвижимое имение, селения, поля, виноградники отдала святейшей церкви и, покинувши свое отечество, отправилась в Киликию к своему страждущему за Христа сыну. Заплативши деньги темничным сторожам, она вошла во внутреннюю темницу и увидавши сына, припавши, поклонилась ему и обтирала гной его струпьев. Святой же Каллиопий, будучи весь скован железом, и отекий от бесчислен ран, не мог встать пред своею матерью и только проговорил:

- Хорошо сделала, что пришла ты, мать моя и свидетельница моих страданий за Христа!

Феоклия видя тело сына истерзанное ранами, говорила к нему:

- Блажен и благословен плод чрева моего, потому что я представила тебя, как Анна Самуила освященным сосудом для Бога, и как Сарра Исаака предоставила тебя Христу в благоприятную жертву!

Всю ту ночь мать пробыла в темнице, сидя при ногах сына, воспевала и славословила вместе с ним Бога. В полночь же заблистал в темнице яркий свет и слышен был голос, восклицавший:

- Вы - святые исповедники Христовы, истребители идолов, оставившие отечество и имущество для страданий со Христом!

С наступлением утра военачальник Максим, севши на судилище, вывел из темницы для допроса святого мученика Каллиопия. Поставивши его пред собою, он спросил:

- Оставил ли ты свое безумие и соглашаешься ли для сохранения жизни исполнить царское повеление и поклониться богам? или же, напротив, ты желаешь покорно погибнуть, как и учитель твой Христос?

- Я удивляюсь, - отвечал святой, - твоему бесстыдству! Ты много раз слышал от меня один и тот же ответ: я христианин и умру за Христа; снова теперь о том же спрашиваешь меня и не стыдишься ополчаться против истины. Я горячо желаю пострадать подобно Учителю моему Христу и стремлюсь беззаветно умереть за Него!

Выслушавши это и понявши непреклонное намерение мученика и убедившись в его непоколебимой душевной крепости, военачальник приказал распять его подобно Христу на кресте. Тогда был великий четверток, когда совершается воспоминание святой тайной Христовой вечери. Святая Феоклия, видя ведомого своего сына, дала воинам пять золотых монет, умоляя их, чтобы они распяли Каллиопия не как Христа, но вниз головой. Это она сделала по смирению, считая недостойным делом, чтобы сын ее в образе распятия был подобен своему Господу Христу. Итак святой Каллиопий был распят за Христа вниз головой, в четверток спасительный вечери. В великий же пяток в третий час дня он предал дух свой в руки Божии, при сошествии к нему с неба Божественного голоса, "войди Христов согражданин и сонаследник святых"⁵.

Когда мертвое тело святого Каллиопия было снято со креста, блаженная мать его, прославляя Христа, обняла за шею сына, а затем немедленно предала и свою душу. Братия христиане пришедши взяли тела обоих и похоронили их в почетном месте в одной могиле, восхваляя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

В тот же день память святого Руфина диакона, святой мученицы Акилины, и с ними 200 воинов, в Синопе скончавшихся около 310 года.

1 Памфилия - в древности часть малоазийского побережья, заключенная Ликией и Киликией и пролежавшая вдоль Памфильского моря (ныне залив Адалия). Разделяя исторические судьбы всей Малой Азии, Памфилия была последовательно под Персидским, Македонским и Сирийским владычеством, затем вошла в состав Персидского царства и в 120 г. до Р. Х. сделалась Римской провинцией. Население, представлявшее смесь туземцев с пришлыми киликийцами и греками, нравами и обычаями напоминало киликийцев и в широких размерах промышляло морским разбоем. Важнейшие города этой гористой по преимуществу страны, наполненной системою Тавра: Аталейя (Адалие), Сиде, (Эски-Адалии), Кибира, Аспеид, Пергия, Солион.

2 Патриции были в Риме лица знатного происхождения; сенатор - должностное лицо, замещавшее высшее служебное место в государстве.

3 Каллиопий - слово греческое и в переводе на русский язык значит - миловидный, с хорошим взглядом.

4 Киликия - Малоазийская провинция.

5 Святой мученик Каллиопий скончался 7-го апреля 304 г., в пятницу, в Киликийском (в малой Азии) городе Помпеоцеле.